

РУССКАЯ ГЕЙША:

ТАЙНЫ ОБУЧЕНИЯ

Искусство танца,
беседы,
обольщения –
всё ради его
преданной
любви

18+

Таня
Кадзи

Таня Кадзи
Русская гейша. Тайны обучения
Серия «Русская гейша», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10315332

Эксмо;
ISBN 978-5-699-80868-7

Аннотация

Тайными знаниями, которые они получают в специальных школах, японские гейши под страхом смерти не делятся ни с кем... Русская девушка Таня Кадзи проникла в такую школу – и получила возможность учиться этому древнему искусству. Чего только не предстоит ей освоить! Навыки тончайшего манипулирования настроением мужчины, умение подбирать волнующие ароматы, создание изысканных блюд, содержащих афродизиаки, игру на музыкальных инструментах, эротические танцы с веерами, целый арсенал сексуальных техник...

Книга также издавалась под названиями "Русская гейша. Во имя мести", «Русская гейша. Мемуары».

Содержание

Свиток первый	4
Свиток второй	37
Свиток третий	76
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Таня Кадзи Русская гейша. Тайны обучения

Свиток первый

Маска страдания спектакля кабуки

С Петром я познакомилась в октябре 1994 года. Это произошло после представления самодеятельно театра «Кабуки» в нашем районном клубе. Я, не сняв громоздкий костюм, выскочила из гримерки, спасаясь от расшалившейся Шурки, моей подружки. Мы вместе учились на последнем курсе культпросвет училища, и обе несколько лет постигали сложное искусство японского классического театра на занятиях студии.

Я побежала по узкому проходу между стеной и декорацией и, вылетев из-за кулисы, чуть не сбила с ног какого-то парня. Он вздрогнул от неожиданности, замер, а потом рассмеялся. Я остановилась перед ним, но никак не могла отдышаться.

– Здравствуйте, юноша! – сказал парень. – У вас на сцене была трагическая роль, но, вижу, несмотря на густой грим,

напоминающий печальную маску, на самом деле вам сейчас весело. А как же актерское перевоплощение? Или вы легко выходите из образа?

Я зачем-то сдернула парик из искусственных волос и поправила растрепавшиеся пряди, глядя в зеленовато-серые глаза парня и невольно улыбаясь.

– Ага! – довольно произнес он. – Значит, все-таки девушка? Но разве кабуки это не сугубо мужской театр?

– Мужской, – тихо подтвердила я. – Но у нас он наполовину из девчонок.

– И это вполне объяснимо, – заулыбался парень.

– Но вообще-то, как нам рассказывал педагог, поначалу... ну в древности там играли и девушки... определенного сорта, и кабуки называли театр для куртизанок, умеющих петь и танцевать, – торопливо сообщила я и тут же сильно смутилась. – А уж потом актрис сменили юноши... Но это все неважно, – тихо добавила я, изумляясь своей неуместной разговорчивости.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Таня, – ответила я еще тише и почувствовала, как кровь приливает к лицу.

– А меня – Петр. Вот мы и познакомились! Знаете, странно было увидеть афишу театра такого жанра в старинном русском городе. И я из любопытства отправился на спектакль. И получил истинное наслаждение! Благодарю.

И Петр церемонно поклонился.

– Да я-то причем? – смущенно произнесла я. – Это же целый коллектив представлял...

– А вы учитесь, работаете? – продолжил он, не обратив внимания на мое замечание. – И наверняка что-то в вашей деятельности связано с Японией? Ваша внешность...

– Я заканчиваю хореографическое отделение, – перебила я и почувствовала, как сердце замирает от его пристального взгляда.

– Вот оно что! – удовлетворенно воскликнул Петр. – Тот маска печали поразила меня своими изящными передвижениями по сцене.

– Да ладно вам! – рассмеялась я. – Вы не могли это запомнить!

– Это почему же? – спросил Петр и склонил голову набок. – А вдруг мой взгляд сразу остановился на вас, и я мгновенно понял, что это любовь с первого взгляда и до последнего вздоха?

И как же он оказался прав.

Петру было двадцать восемь, и мне, восемнадцатилетней, он казался взрослым и серьезным. Но я влюбилась мгновенно, сильно и страстно. И все вокруг перестало существовать, я видела только любимого.

Следующий после представления день был насыщенным. Мы активно готовились к экзаменам. Особую сложность представляла сдача КПП¹. Хоть курс и небольшой, всего 25

---

¹ КПП – композиция и постановка танца

человек, но нужно было каждому представить свой номер на суд комиссии. Поэтому участвовали все. А я солировала аж в двенадцати номерах, а в восьми – танцевала в основной массе. Мы принесли в танцкласс минеральную воду, бутерброды и с раннего утра начали прогон. К восьми вечера я буквально не чувствовала ног. Ступни горели, тело ломило.

– Все! – крикнула я Шурке, после того, как лихо отплясала в ее украинском гопаке. – Я больше не могу!

– А мы еще хотели сегодня отрепетировать номер «В шляпном магазине», – жалобно сказала она. – У Нинки ничего не отработано, и мы все скачем вразнобой, чисто козы на лугу.

– Еще бы! Зачем она взяла стиль двадцатых годов? Чарльстон сейчас никто и не танцует! – раздраженно бросила я.

– И что? – заметила сидящая без сил на полу у зеркальной стены Нина. – Зато неординарно! Платья будут соответствующие, да и грим в стиле актрис немого кино. Зрелищно и эффектно! А то уже надоели все эти ваши народные танцы или композиции на тему классики.

– Короче, предлагаю репетицию перенести на завтра, – сказала я. – Лично у меня ноги отваливаются.

– И правда! Сколько можно?! – неожиданно поддержали меня остальные.

– Странно, странно, – зашептала мне на ухо Шурка. – Ты у нас такая фанатка танца и вдруг хочешь свалить пораньше. В чем причина-то?

– Любовь, – кратко ответила я и помчалась в раздевалку.

Петр ждал меня у входа в училище. Я вылетела раньше других, подхватила его под руку, и мы чуть не упали, поскользнувшись на первом, выпавшем днем снежке. Дружно расхохотавшись, мы вцепились друг в друга, и Петр ни с того ни с сего чмокнул меня в нос. Я замерла, потом отстранилась и пошла рядом. Как мне было хорошо! Но и тревожно немного, ведь я видела этого парня второй раз в жизни.

Потом мы долго сидели в маленьком полупустом кафе и, неотрывно глядя в глаза друг другу, без конца говорили. Петр приехал в наш город из Москвы по служебным делам и должен был пробыть до Нового года. Я спросила, чем он занимается. Петр поморщился, замолчав, но потом все-таки сказал:

– Я – химик и работаю на оборонном предприятии. Сама понимаешь, лучше эту тему не развивать.

Он вновь замолчал. А затем неожиданно приподнял мою руку и поцеловал кончики пальцев.

– А ты, прекрасная принцесса, чем думаешь заняться после окончания училища?

– Хочу организовать в нашем клубе танцевальный кружок для маленьких детей и взять за основу технику Айседоры Дункан. Она не признавала классических канонов и танцевала так, как чувствовала, то есть была абсолютно свободна в выражении самой себя, – торопливо сообщила я и отчего-то сильно смутилась.

– Ух ты! – непритворно восхитился Петр. – Далеко идущие планы! Но что хочу сказать, Таня, такой кружок можно организовать и в Москве.

Он как-то сразу начал вот так забавно коверкать мое имя, и оно звучало будто по-японски. Я невольно улыбнулась, но тут же испугалась до дрожи и сразу убрала руки со столика, опустив их на колени.

– Это что, предложение? – замирающим от волнения голосом уточнила я.

– Конечно! – уверенно ответил Петр. – Но завтра же в загс не предлагаю, – серьезно добавил он. – Надо бы родителей поставить в известность.

Я глотнула окончательно остывший кофе и с трудом перевела дыхание. Все происходило слишком быстро. Но так хотелось не думать ни о чем, а просто поверить Петру.

– А у тебя японская фамилия? – спросил, улыбнувшись, он.

– Да, это так! И Кадзи в переводе значит «кузнец». У меня дед – японец, – сказала я. – А что?

– Меня всегда неудержимо притягивала эта страна. Я ведь и каратэ занимаюсь. И читаю много на эту тему. И как только тебя увидел... Твои блестящие темные волосы, глаза с восточным разрезом. А их цвет! Даже не темно-карий, а скорее черно-вишневый. Мне безумно нравится смотреть в них! Ты удивительно похожа на принцессу из японских сказок.

– Спасибо, – пробормотала я и покраснела, опустив голо-

ву.

– Знаешь, я в прошлом году побывал в Токио и Киото, – после паузы продолжил Петр.

– Правда? Вот здорово! – восхитилась я и посмотрела в его улыбающееся лицо. – И как?

– Сказочно! Другая вселенная. Но я ездил по делам, так что посмотрел не все, что хотелось бы.

Петр вновь замолчал. Взгляд его стал, я бы сказала, каким-то просветленным. Он словно смотрел внутрь себя и видел там что-то чистое и высокое.

***Из светло-зеленой записной книжки с
изображением горы Фудзи на обложке:***

*Стихи прощания
Решил на веере я написать,
Но треснул он в руке.*

Басё

Петр уехал перед Новым годом, подарив мне на прощание сборник классической японской поэзии, очень красиво изданный. Стихи Иссы, Басё, Кито, Сампу и многих других обрамляли изящные рисунки на японскую тематику. На одной странице были иероглифы, на другой – английский текст. Русского перевода не имелось, но я училась в школе с углубленным изучением английского языка и из любопытства сра-

зу начала переводить хокку и танка на русский, стараясь передать смысл. Особенно понравившиеся мне стихи даже заносила в отдельный блокнот. И во всех своих записях я цитирую исключительно свой перевод.

Петр уехал, а меня не отпустили родители, хотя и познакомились с ним за две недели до отъезда. И «жених» им понравился. Но скорость развития наших отношений их очень напрягла.

– Что ты себе думаешь, Татьяна? – возмущалась мама. – Не спорю, Петр очень приятный молодой человек, говорил с нами о серьезных намерениях на твой счет. Но пока это только слова! Ты его знаешь всего-то пару месяцев, и уже готова все бросить и уехать?!

– Но я получила диплом и свободна, – плакала я. – Петя говорит, что я могу работать и в Москве. Он обещает помочь устроиться.

– Куда ты там устроишься?! – на повышенных тонах говорил папа.

– Хочу организовать студию свободного танца, – отвечала я. – Не получится, пойду работать переводчицей. Ведь я отлично знаю английский, недаром десять лет в спецшколе парилась!

– Вот именно! – кипятилась мама. – Хотели тебя в престижный институт определить. Лингвист – перспективная профессия.

– Но ты наперекор нам поступила на эти танцульки, – под-

хватывал папа. – И кто ты теперь?

– Клубный работник – руководитель самостоятельного хореографического коллектива! – гордо произнесла я. – И даже с правом преподавания.

– Ну, допустим, – немного притих отец. – А жить, дочь, где собираешься?

– У Пети своя квартира. Он хочет, чтобы я жила с ним. Мы ведь любим друг друга!

– И что?! – в один голос воскликнули родители.

– У нас так не принято! Вначале свадьба, а потом можете делать, что хотите! – сурово добавила мама.

И они категорически запретили даже думать о переезде.

Но я все равно уехала. Проснувшись как-то утром через неделю после отъезда Петра, поняла, что больше не выдержу ни дня без любимого, быстро покидала в рюкзак необходимые вещички, взяла деньги и документы и отправилась на вокзал. Родителям оставила записку, чтобы особо не волновались. Купив билет до Москвы, сразу позвонила Петру. И он обрадовался! А я думала, ругать будет.

Петр жил в трехкомнатной квартире обычного девятиэтажного дома возле метро «Нахимовский проспект». Когда мы зашли в коридор, он, даже свет не включив, кинулся меня раздевать, без конца повторяя:

– Моя маленькая Таня! Моя принцесса! Как хорошо, что ты решилась и приехала. Я тут с ума сходил! Я без тебя, оказывается, жить не могу! Я уже сам хотел мчаться за тобой и

украсть, если родители добровольно тебя не отпустили бы.

Он лихорадочно целовал меня, потом потащил в спальню. Что это была за ночь! Мы не спали ни одной секунды и не разжимали объятий до утра. Но писать об этом не хочу. Он был моим первым мужчиной, я по-настоящему любила его. Поэтому пусть интимные подробности нашей любви останутся лишь для меня.

– Мне на работу! – опомнился Петр в семь утра.

– Не ходи сегодня, – прошептала я, лежа на его плече и не в силах пошевелиться.

– Я должен, – ответил он и мягко высвободился из моих объятий.

Пока Петр находился в ванной, я встала, накинула его халат-кимоно и приготовила чай, накрыв стол на кухне. Петр удивился и обрадовался, увидев, как ловко я хозяйничаю. Выпив чашку и съев бутерброд, он поцеловал меня и умчался. А я решила прибраться в квартире, приготовить что-нибудь вкусненькое и ждать его возвращения.

Через неделю Петр познакомил меня со своей мамой Елизаветой Викторовной и младшим братом Витей, моим ровесником. Они встретили меня на удивление тепло, и я сразу почувствовала себя в их обществе очень уютно. Рядом с их домом находился музей-заповедник «Коломенское». После праздничного обеда, устроенного в мою честь, мы отправились туда. Катались с горок, гуляли по дорожкам, любуясь храмами, посетили домик Петра I, потом ели горячие блины

в кафе, стилизованном под деревенскую избу.

Поздно вечером мы вернулись к себе и вновь не спали всю ночь. Так прошел январь. Я находилась в состоянии эйфории от затопившей меня до отказа любви. А в начале февраля приехала моя мама. Оказывается, Петр позвонил моим родителям и сказал, что хочет жениться. Я встретила маму настороженно, но увидев ее грустные глаза, обняла и расплакалась. Мама пожила у нас несколько дней и уехала вполне умиротворенная. Петр твердо заявил, что после его командировки в Токио, намеченной на март, мы подадим заявление.

– А я тут одна останусь? – решила выяснить я, когда мама уехала.

– Глупышка! – рассмеялся он. – Я больше не намерен с тобой расставаться даже на день! У нас приглашение на полгода.

– Как? – округлила я глаза. – Мы ведь не зарегистрированы. В качестве кого...

– Что ты волнуешься по таким пустякам? – перебил меня Петр и нежно поцеловал. – Я все уже устроил. И пусть ничто тебя не тревожит, солнышко.

В феврале я его почти не видела, он допоздна пропадал на работе, и целыми днями я была предоставлена сама себе. Много ездила по Москве, гуляла по улочкам, заходила в магазины. В деньгах недостатка не было. У меня были свои средства, да и мама оставила немалую сумму. А уж Петр

деньги вообще не считал. А их у него всегда было предостаточно, и он щедро делился ими со мной, говоря, что бюджет у семьи должен быть только общим.

«Надо же, как хорошо оплачивается работа химика!» – иногда удивлялась я.

Но в том безоблачном состоянии счастья особо над такими вещами задумываться не хотелось.

Правда, узнав Петра лучше, я стала невольно отмечать некоторые странности его поведения. Иногда он приходил домой в каком-то ненормально возбужденном состоянии и начинал говорить о вечной битве добра и зла, о месте человека в этой войне и о выборе своего пути. Я обычно внимательно его выслушивала, но период возбуждения, как правило, сменялся апатией. Петр, выговорившись, замолкал, уходил на кухню и долго сидел в одиночестве. Я не мешала его уединению, но не находила себе места от беспокойства. Все это казалось мне отчего – то угрожающим нашему счастью. Но на все мои осторожные расспросы Петр отвечал уклончиво. И понять его я так и не могла.

В конце февраля, буквально за пару дней до нашего отъезда, Петр пришел не один.

– Познакомься, Таня, это мой большой друг Тэрамуро Юкио. Он тоже химик, работает на нашем предприятии.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровалась я.

Японец Юкио вполне сносно изъяснялся по-русски. Пока я готовила чай и закуски, они возбужденно говорили о ка-

кой-то решающей битве, о каком-то «зарине» и о торжествующей истине. Их глаза горели, выражения лиц были одинаково восторженными. И, наверно, из-за этого они походили друг на друга, как братья, хотя Юкио был ярко выраженного восточного типа, а Петр – славянского.

– Хорошо, что вы познакомились, – удовлетворенно сказал Петр, когда проводил гостя. – Увидев тебя, Юкио уже без тени сомнения предложил нам пожить на все время командировки в его квартире.

– В Токио? – обрадовалась я.

– Нет, – ответил Петр и слегка замялся, – в Наха, это город в столице префектуры Окинава. Тебе там понравится, вот увидишь! Я там был пару дней. И это субтропики, а значит, вечное лето! Сам город очень разнороден. Много памятников архитектуры, отличные пляжи. Будешь там, как на курорте! Ведь Окинава – это один из островов архипелага Рюкю, и кругом океан.

– А ты? – с недоумением спросила я.

– Понимаешь, малышка, я буду работать в Токио, но немного. И большую часть времени проводить с тобой. Зато не нужно тратиться на жилье!

Я удивилась, но промолчала. Мне казалось, что Петру должны были предоставить служебную квартиру.

«Хотя, – подумала я, – ведь мы не расписаны, так что его с женой никто не ждет».

***Из черной записной книжки с изображением
красного дракона на обложке:***

Князь Эмма хохочет, раскрыв жадно рот.

Он смерть изрыгает.

И в царство зовет.

К себе, в Царство Мертвых...

Неизвестный японский поэт XVI в.

И вот мы на месте! В Токио пробыли целый день, но я так устала и перенервничала, что плохо воспринимала окружающие красоты. Петр находился в приподнятом настроении, и не успели мы приехать из аэропорта в город, как он сразу потащил меня в Гиндзу². Ему хотелось купить мне что-нибудь. Я плелась за ним, обозревая множество витрин с выставленным товаром и без конца отказываясь от его восторженных предложений купить это, купить то. Но он все-таки приобрел для меня в одном магазинчике перламутровую заколку для волос, которая была выполнена в виде изящной лазоревой бабочки. Потом мы перекусили в маленьком кафе с европейской кухней, и Петр повел меня к какому-то древнему на вид сооружению.

– Кабуки-дза! – гордо произнес он, махнув рукой в его

---

² Гиндза – район Токио, в котором сосредоточены дорогие магазины, рестораны, центры развлечений.

сторону.

– И что? – устало спросила я.

– Дурочка! – расхохотался он. – Ведь это знаменитое здание театра кабуки. Я, по правде говоря, все еще удивлен, какой ненормальный решился открыть в вашем провинциальном городке такой театр. Ведь это необычайно сложное искусство! По правилам актеры должны изъясняться только на старо-японском языке. Хотя в Кабуки-дза есть специальные наушники на местах, и в них идет синхронный перевод на английский.

– Да разве у нас настоящий театр? – отмахнулась я. – Так, стилизация! У нас и спектакли-то шли не больше часа, а реально они должны продолжаться никак не меньше трех. Мы никогда не могли осилить пьесу целиком, поэтому представляли обычно только один акт.

– Может, зайдем? – оживился Петр, изучая афишу. – Спектакль начнется через полчаса.

– Нет, в другой раз, – взмолилась я. – У меня уже сил нет!

Многочасовой перелет, более теплая, чем в Москве, но очень сырая и ветреная погода, шумный, чужой и нарядный город с непривычными для глаза пестрыми красками, звуковой фон незнакомой речи – все это действовало утомительно. Хотя многие говорили на английском, поэтому абсолютный языковой вакуум я не чувствовала.

Мы переночевали в гостинице, и я даже не помнила, как заснула. И уже на следующий день улетели в Наха.

Выйдя из самолета, мы сразу попали в летний, сияющий ярким солнцем мир субтропиков. Дом, где жил Юкио, находился на окраине города возле большого парка. Он внешним видом походил на серые панельные пятиэтажки, которых так много в России. Лифт отсутствовал. Мы поднялись на второй этаж, открыли двери и вошли. Квартира была двухкомнатной, небольшой и почти пустой. В спальне прямо на полу лежал квадратный матрас, застеленный ярким расшитым узорами покрывалом. На нем я увидела два валика и поняла, что они заменяют подушки. В гостиной пол застилали разноцветные циновки, и стоял очень низкий деревянный столик. В стене находилась полукруглая ниша, в которой возвышалась керамическая ваза, расписанная цветами и бабочками. Встроенные шкафы-купе казались просто деревянными стенами, и я их сразу даже не заметила.

– Ну вот и наше жилье! – радостно сказал Петр и снял ботинки у двери.

Через несколько дней я привыкла и даже смогла обустроиться в этом пустом пространстве. Разложила вещи по шкафам, купила красивый сервиз из тончайшего просвечивающего на солнце фарфора и чай разных сортов. Я уже чувствовала себя спокойно, и мне даже нравилось играть роль молодой жены. Петр улетел на три дня в Токио, предварительно купив мне мобильный телефон для связи. Для меня это было диковинкой, и я весь вечер его изучала. Хорошо, что инструкция была не только на японском, но и на английском.

ском.

Петр вернулся ближе к вечеру, но не один, а с тремя друзьями. Стройный симпатичный парень по имени Тору и хорошенькая смешливая девушка, ее звали Манами, были токийцы, а Степан – русский. Он выглядел, как настоящий богатырь, широкоплечий, мускулистый, высокого роста, но с милой и какой-то застенчивой улыбкой. Я приняла их, как настоящая хозяйка, накрыла столик и пригласила присесть. Токийцы общались с нами только на английском.

Петр находился в крайне возбужденном состоянии. Таким я его еще не видела. Они начали обсуждать какие-то свои дела, а я вышла на балкон и стала смотреть на сочную зелень парка, подсвеченную шарами редких фонарей. Скоро ко мне присоединился Степан. Он сказал, что говорить о делах ему наскучило и лучше полюбоваться на прекрасный вечер в компании прекрасной девушки. Я улыбнулась, глядя в его светло-карие блестящие глаза, и мы начали непринужденно болтать о всяких пустяках. Как выяснилось, он работал по контракту в Токио в той же области, что и Петр. Но об этом он рассказывал нехотя и очень уклончиво.

– А ты из Москвы? – поинтересовался он.

– Нет, – ответила я. – Я живу в столице всего несколько месяцев. А вот сейчас здесь оказалась.

– И это отлично! – чему-то обрадовался Степан. – И я рад, что у Петра такая красивая девушка!

– Спасибо, – тихо проговорила я, отчего-то засмущав-

шись.

Все остались ночевать у нас. Ребята устроились в гостиной на циновках.

Следующий день прошел насыщенно. Тору предложил отдохнуть на пляже, и мы, мгновенно собравшись, поехали на берег океана на местном автобусе. Через полчаса были у воды. И тут же решили покататься на яхте с подводной палубой. Рейс длился около часа, и мы вдоволь налюбовались красотами подводного мира через довольно большие и почему-то прямоугольные иллюминаторы. Потом обедали в маленьком рыбном ресторанчике. Я уже начала уставать и захотела домой. Но парни решили, что им необходимо заняться дайвингом, тем более на пляже имелась такая услуга. Предложили и нам, но я тут же отказалась, так как всегда боялась воды. Манами тоже встретила эту идею без особого восторга.

– Мы лучше посетим какой-нибудь массажный салон, – сказала она ребятам. – А то Таня без привычки устала.

– Вот-вот! – обрадовалась я.

И мы, оставив ребят, отправились в салон талассотерапии³, находившийся совсем недалеко и который, как оказалось, уже посещала Манами в свои приезды в Наху.

– Там джакузи с минеральной водой, – говорила она на ходу. – Но учти, захочешь капсулу с грязью, знай, что она

---

³ Талассотерапия («thalasso» – море) – это одновременное использование благотворного воздействия морских факторов: климата, воды, грязей, водорослей, песка и других компонентов, извлекаемых из моря.

необычайно полезная, но и дико вонючая.

Она рассмеялась. И я засмеялась вслед за ней. Настроение было превосходным, несмотря на то, что Петр завтра улетал с ребятами обратно в Токио.

Вернулись мы в квартиру поздно вечером и сразу легли спать. К тому же я прилично обгорела на солнце. Но масло, которое мне втирали в тело в салоне, значительно смягчило кожу.

Этот день запомнился мне в мельчайших подробностях. Он напоминал прекрасную яркую и беззаботную бабочку, присевшую на раскрытый цветок сливы и упивающуюся мягким солнечным светом.

***Из белой записной книжки с
изображением белой лилии на обложке:***

«Жить или умереть? Выбор очевиден. Моя жизнь имеет цену лишь в служении господину, долгу, чести и пути воина. Если дело чести требует моей смерти, я легко с улыбкой счастья приму ее».

Из записок самурая Мисимо Цунэ, XVII в.

Ну, вот я и дошла в своем рассказе до другого дня! Я старалась забыть о нем, стереть навсегда из памяти, но он будто выжжен в моем мозгу раскаленным углем страдания, навеки запечатлен черным иероглифом #, обозначающим «смерть».

Вечером 20 марта я ждала Петра домой. Он должен был

приехать на целых четыре дня. Но он что-то сильно запаздывал. Ужин остыл, но я так к еде и не притронулась. Его телефон был отключен. Я попыталась несколько раз связаться с любимым, но безрезультатно, и потом только ждала.

Петр не приехал. И не позвонил. Поздно вечером я впервые за этот день включила радио и тут только узнала о трагедии в токийском метро. Сведения, сообщавшиеся СМИ, были сумбурными и противоречивыми. Ясным было только одно, что террористическая группировка распылила нервнопаралитический газ на станциях метро. Были жертвы, многие попали в больницы. Точное количество еще никто не знал. Пока я слушала эти страшные новости, сердце начало щемить от невыносимой тревоги.

«А вдруг и Петр попал туда?!» – мелькнула ужасающая мысль.

И сердце сжалось от предчувствия непоправимой беды. Но я тут же попыталась себя успокоить, так как точно знала, что он никогда не пользуется токийской подземкой, предпочитая передвигаться по городу на такси. Всю ночь я не сомкнула глаз и не выключала радио.

А на рассвете явился Петр. Он был сильно пьян, в грязном костюме, словно спал на земле, с посеревшим одутловатым лицом и безумными глазами. Из-за сильно расширенных зрачков они казались черными и страшными. Он ввалился в комнату и упал на циновки. Я пыталась раздеть его, но он начал отбиваться, выкрикивая что-то бессвязное. И я

оставила его в покое. Петр тут же захрапел, а я ушла в маленькую комнату, легла на матрас и сжалась в комочек от нереальной жути всего происходящего. Уснуть я не смогла.

Через какое-то время услышала, что Петр перестал храпеть. Вот он встал и начал всхлипывать. Почему я не побежала к нему? Почему?! Этот вопрос мучает меня всю жизнь. Но я словно оцепенела в тот момент и лежала, все так же молча и неподвижно. Я услышала, что он ходит, чем-то шуршит, вот что-то упало...

– У-ух! – глухо и протяжно вскрикнул он с такой мукой в голосе, что у меня от ужаса перехватило дыхание.

Я услышала стук, словно Петр с размаху грохнулся на пол. Я влетела в комнату и остолбенела. Он стоял на коленях, вцепившись обеими руками в рукоятку ножа. Лезвие почти полностью вошло в его живот.

– Беги! – прохрипел Петр, делая резкое движение руками вверх.

Словно в замедленном кошмаре я увидела, как лезвие режет кожу, как начинают выпирать кишки, как кровь брызгает темными густыми фонтанчиками. Петр судорожно втянул воздух и рухнул на бок, так и не отпустив рукоять ножа. Я кинулась к нему и впервые в жизни заглянула в зрачки смерти. Харакири было завершено.

Что происходило потом, помню не очень ясно. Первой мыслью было тут же, не сходя с места, покончить с собой. Но я упала на колени возле тела и оцепенела, словно меня охва-

тил паралич. Не знаю, сколько я просидела так, неподвижно глядя на любимое и уже начинающее меняться лицо. Очнулась, когда сумерки заползли в дом. Я так и не смогла прикоснуться к Петру и отползла в спальню, где впала в полуобморочное состояние. Удивительно, но я заснула, вернее, погрузилась в забытие, похожее на смерть. Но на рассвете очнулась, как от толчка, и, раскрыв глаза и мгновенно осознав все, что произошло накануне, начала плакать. Но и слезы не облегчили мою боль. Перед глазами так и стояло его лицо, перекошенное мукой, в ушах все звучал хриплый крик: «Беги!»

Я с трудом поднялась, на дрожащих ногах вышла из спальни и, стараясь не смотреть на тело, направилась в кухню. На столике заметила квадратный листок бумаги. На нем рукой Петра было написано следующее: «В моей смерти прошу никого не винить». И подпись. Я затряслась от рыданий. Потом глотнула воды и побрела в комнату. И тут только заметила у двери большую квадратную сумку и белеющую на ней записку.

«Моя любимая принцесса, – прочитала я, вытирая слезы, – простишь ли ты когда-нибудь меня? Но другого выхода я не вижу. Небо зовет меня. Сегодня страшное подозрение о правильности содеянного и вообще о выбранном пути убивает меня. Я словно прозрел. И все, что говорил Учитель, увиделось мне в другом свете, далеком от истины. Не хочу больше! В этой сумке деньги для тебя. Не трогай мое тело и

немедленно улетай обратно. Власти все сделают сами. Билет на самолет до Токио в кармашке сумки. А оттуда – домой, моя принцесса. Ты сильная, и помни, что любовь есть и на небе. Живи и прощай!»

В голове у меня помутилось, я упала на пол, начала кататься и орать. Окончательно обессилев через какое-то время, затихла. Внутри все окаменело. Я встала, механически умылась, причесалась и потом только раскрыла сумку. Пачки долларов закрывали все ее дно. Но мне было в тот миг все равно, и никаких эмоций это неожиданное богатство не вызвало. Я раскрыла молнию бокового кармана и увидела билет на самолет, засунутый в записную книжку светло-зеленого цвета с изображением горы Фудзи на обложке. Тут же лежали еще две книжки. Светло-зеленая была более потрепана и исписана да конца. Я узнала почерк Петра. Белая, с изображением белой лилии на обложке, была заполнена наполовину. И тоже Петром. А черная, с изображением красного дракона, не содержала никаких записей. И это меня почему-то сильно расстроило. Я начала снова неудержимо рыдать. Когда немного пришла в себя, то быстро покидала свои вещи в сумку и покинула квартиру. Перелет до Токио прошел мимо моего сознания.

Смутно помню, как я стояла в аэропорту Нарита, как тупо смотрела на табло, понимая с совершеннейшим равнодушием, что опоздала на свой рейс. Почему я не улетела следующим, сейчас мне объяснить трудно. Мой путь представ-

лялся мне тогда наточенным лезвием вакадзаси⁴, вынутаго из ножен. И я балансировала на этом лезвии, стараясь добраться до его острого, срезанного под углом конца, несущего смерть. И я хотела в то время только смерти. Перед глазами постоянно всплывали строки из записки моего мертвого возлюбленного: «...помни, что любовь есть и на небе». И я хотела лишь одного: уйти на это небо, где, я была убеждена, ждал меня Петр.

Что мне было делать в Москве? Или в родном городе? Я совершенно потерялась в этом черном мире страдания и пустоты и не видела из него выхода. Смерть и только смерть призывала я тогда.

Наличие огромной суммы денег – под толстыми пачками стодолларовых купюр я нашла и увесистые пачки иен – избавляло меня от необходимости немедленно возвращаться на родину. И я осталась в Токио. Время, прошедшее с того страшного дня, который казался мне жадно раскрытым цветком смерти, протянувшим ко мне свои кровавые лепестки из черных глубин ада, для меня не существовало. Мне чудилось, что я умерла, а ходит, спит, иногда ест лишь моя телесная оболочка.

Я сняла номер в гостинице, за английское название которой совершенно случайно зацепился мой потухший взгляд, когда я ехала в такси.

Закрывшись в номере и вывесив табличку «Не беспоко-

---

⁴ Вакадзаси – разновидность малого самурайского меча

ить», я впала в такое дикое отчаяние, что начала кататься по огромной квадратной кровати в спальне. Я рыдала, рыдала, рыдала, и не могла остановиться. У меня не осталось ни одной фотографии Петра, и это сводило меня с ума. Единственное, что я взяла из его вещей – мобильный телефон.

Не знаю, сколько времени я провела в таком состоянии. Странно, что мое сердце не разорвалось. Но мне было всего восемнадцать лет, и молодой организм взял свое. Отчаяние начало убывать и постепенно сменилось оцепенением, подобным коме. Сутками я лежала на полу в гостиной и невидяще смотрела в белый высокий потолок.

И вот однажды, медленно перевернувшись на бок, я случайно локтем надела на пульт от телевизора, почему-то валяющийся на полу. Громкий голос телеведущего заставил меня вздрогнуть, и я машинально посмотрела на экран. Шли новости CNN на английском языке. Услышав, что речь идет о теракте в токийском метро, я подползла ближе к телевизору, стоящему в углу гостиной на высокой металлической стойке. И вот прозвучало название газа, убившего 12 человек и сделавшего инвалидами несколько тысяч.

– Зарин?! – вскрикнула я. – Не может быть!

Страшная догадка кольнула мою душу, будто быстрый меч самурая.

«Неужели Петр причастен? – размышляла я, сидя перед телевизором со скрещенными ногами и непрерывно раскачиваясь, словно пытаюсь убаюкать собственную боль. – Но

тогда и Тору, и Манами... Что же говорить о Юкио, работающем в Москве? Я ведь не один раз слышала слово «зарин» в их разговорах».

Мои мысли начали проясняться. Я сопоставила некоторые факты и почему-то во всех бедах обвинила друзей Петра.

«Это они втянули его в такое черное дело, – размышляла я. – Я ничего наверняка не знаю, но чувствую это! Петр был человеком радостным, светлым, он никому не мог причинить вред. Они заморочили ему голову. Юкио постоянно о чем-то секретничал с ним. И когда Петр понял, в какую ужасную историю ввязался, его светлая душа не выдержала! Он так и написал мне, что усомнился в выбранном пути. Но что за учителя он упоминает? Не знаю,... я ничего не знаю... Но все равно, это они, они во всем виноваты! И так называемые друзья, эта парочка Тору и Манами! Уверена, они тоже причастны! Когда они приезжали к нам, то постоянно о чем-то шушукались. Все это одна японская шайка! Один Степа, по-видимому, ни при чем».

И тут же, в одно мгновение я их всех возненавидела. Я уверила саму себя, что именно их действия привели моего любимого к смерти. И не только его одного. Но эта жгущая ненависть, как это ни покажется странным, вернула меня к жизни. Мне захотелось найти моих врагов и посмотреть им в глаза, чтобы они, увидев мою нечеловеческую муку, смешанную с этой ненавистью, также потеряли покой и мучились

всю оставшуюся жизнь. Я видела себе неким неизвестным божеством, наподобие буддийского бога Фудо Мео, что значит «Неподвижный». Его изображение с мечом в правой руке и веревкой – в левой, с пылающими страшным гневом глазами и оскаленными зубами поразило меня в одной из пагод Нахи. Но мои глаза на лице придуманного божества умели выстреливать огненными молниями. Картины испепеления моих врагов при помощи одного только взгляда вызывали радостный трепет в моей измученной душе и улыбку на губах. И я словно начала жить заново, поддерживаемая этими видениями.

Я стала выходить на улицу, нормально питаться и интересоваться всем, так или иначе связанным с газом «зарин» и терактами в метро. Остальные новости проходили мимо моего сознания. И вот как-то прозвучало название секты «Аум Синрикё» и имя главного руководителя, так называемого Учителя. И я окончательно прозрела. Но верхушка Аум, включая самого Сёко Асахару, упорно отказывались брать на себя ответственность за этот теракт.

*Из черной записной книжки с изображением
красного дракона на обложке:*

*«Асахара» в переводе с японского – сияющий свет в
долине конопли».*

«Сёко Асахара, настоящее имя Тидзую Мацумото, родился в семье ремесленника в 1955 году. Образование получил в интернате для слепых. Одними из дисциплин являлись иглоукалывание, массаж и основы мистических знаний. Некоторое время он провел в Индии, пройдя обучение у знатоков буддизма. Затем был задержан и отсидел срок за торговлю «целебными» напитками.

В 1987 году основал тоталитарную деструктивную секту «Аум Синрикё». Поставил задачу захватить власть вначале в Японии, затем во всем мире.

Название происходит от санскритского слова «Аум», что означает Вселенная, и «синрикё», что можно перевести как «учение истины». В английском языке «Аум синрикё» часто переводится как «Supreme truth», то есть «высшая истина».

Узнав название секты, я начала собирать все доступные сведения о ней. Оказалось, что «Аум Синрикё» действовала и в России. То, что мой любимый принадлежал к Аум, не вызывало у меня больше никаких сомнений. И вся моя ненависть, гнездящаяся в душе черным клубком ядовитых змей, направилась на персону главы секты Сёко Асахару. Я денно и нощно желала ему всяческих страданий, страшной мучительной смерти и невыносимого горя всем его близким. В новостях упоминалось о детях сектанта. Им я тоже желала смерти...

В конце апреля буйное разноцветье японской весны

немного смягчило мою боль. И я большую часть времени стала проводить в парках. С 29 апреля – праздник День Зелени, по 5 мая – старинный праздник ирисов, ставший в наше время Днем Детей, у японцев традиционная пора отпусков. И эта «золотая неделя» обуславливает сильное оживление на улицах, в магазинах, парках. Даже в нашем тихом районе это было очень заметно. Я с удивлением отметила, что число жителей на эти дни словно выросло в десятки раз. А в День Детей многие дома и балконы украсились коинобори – сконструированными из цветных кусков материи карпами, развевающимися на длинных шестах. Я смотрела, как узкие полоски ткани, символизирующие водяные потоки вокруг рыб, колышутся на ветру, как маленькие нарядные японцы важно гуляют, держась за руку довольных родителей, как стрижи, громко крича, пролетают над развешенными коинобори и, делая головокружительный вираж, взмывают вверх, и моя боль начинала понемногу таять в этом беззаботном радостном мире. Знаменитое цветение сакуры уже шло на убыль, и я с опозданием любовалась островками бело-розовой пены среди зелени садов.

В двух кварталах от моей гостиницы я обнаружила рыбный ресторан, где подавались очень вкусные жареные сардины. Я пристрастилась к ним и почти ежедневно ходила туда обедать. Также мне пришлось по вкусу отядзуко. Так назывался политый чаем мелкий рис.

В гостинице, заселенной, в основном, немцами и англича-

нами, меня часто принимали за японку. Глядя в зеркало на свое бледное, исхудавшее личико, я действительно стала отмечать какие-то новые черточки. Гены – вещь загадочная. Та часть крови, которая перешла от моего деда-японца, стала вдруг проявляться ярче. И я неуволимо менялась, невольно подчиняясь тому, что шло изнутри, из какой-то вековой памяти генов, и входило в меня извне, из окружающей среды. И мне нравились эти изменения.

Сейчас я понимаю, что моя психика нашла таким способом путь к спасению. Русская девушка Таня, любившая без памяти Петра и сходявшая с ума от боли и отчаяния, медленно исчезала во мне, уступая место своему японскому двойнику. Инстинктивно я подыгрывала этому процессу, будто хотела полностью переродиться и стать другим человеком без воспоминаний о прошлой жизни. И я стала интересоваться не только новостями об Аум, но и событиями культуры, обычаями, простой жизнью японцев. Посетив несколько специализированных магазинов, я приобрела кое-что из традиционной японской одежды. Как выяснилось, настоящее охасёри, женское кимоно, стоило бешеные деньги, поэтому я остановилась на вполне достойных дешевых аналогах.

Светло-фиолетовый с темно-розовыми цветами пионов халат из шелковой ткани, поданный мне в одном из магазинов продавщицей, вызвал недоумение. Мне он показался бесформенным и огромным для моей исхудавшей фигуры.

– А вы можете мне примерить? – спросила я.

Беспрестанно улыбающаяся продавщица ловко накинула его на меня и затянула талию специальным поясом оби. Я посмотрела в зеркало в примерочной и впервые ощутила радость. Эту молоденькую изящную японку, которую я видела в отражении, я не знала. И это незнание значительно уменьшало боль, гнездящуюся во мне.

– Бютифул, вери бютифул, – твердила продавщица на ломаном английском, отходя мелкими шажочками назад и неустанно кланяясь.

Я выбрала еще две расцветки. Одна ткань была в простую сиренево-белую полоску, а другая ярко-алая с золотыми цветами хризантем. Продавщица подобрала мне подходящие по цвету оби. Расплатившись, я вышла на улицу, прищурившись от яркого солнца.

Через дорогу находился парк, с другой стороны которого располагалась моя гостиница. Я глянула на изогнутую крышу пагоды, краснеющую вдаль между деревьями, и решила пройти через парк. В этот момент мимо медленно проехала спортивная машина. Из нее высунулись два парня и что-то весело сказали мне по-японски. И это показалось крайне странным, потому что, как я уже поняла, характерной чертой японцев была гипертрофированная вежливость. Я сама несколько раз наблюдала, как на узких улочках нашего района водители машин вежливо пропускали велосипедистов. При этом еще частенько кланялись, опираясь рукой о баранку. Велосипедисты кланялись в ответ, не выпуская из рук

руль и, казалось, они отжимаются от этого руля. А тут два каких-то парня посмели мне что-то предложить!

Я мгновенно разозлилась и, не удержавшись, показала им средний палец, поднятый вверх. Они расхохотались, крикнули протяжно: «До-одзо!», что значит на японском «пожалуйста», и прибавили скорость, скрываясь за поворотом. Я проследила взглядом за их машиной и тут заметила вдалеке небольшую сувенирную лавку с выставленным на улицу столиком, на котором пестрели всевозможные безделушки. Я машинально направилась туда.

Толстая японка средних лет, держащая за руку маленькую девочку, сосредоточено копалась в рядах цветных бус, разложенных на столе. Мне не хотелось возле нее задерживаться, и я зашла внутрь. И сразу заметила на полке за продавцом точно такой же сувенирный набор для харакири, какой приобрел Петр для подарка младшему брату. Набор так и остался в той квартире. Сердце мое замерло, ноги стали, как ватные. Я показала на бамбуковую коробку, и продавец, на вид китаец, с готовностью открыл ее. Я достала задрожавшими пальцами деревянные лаковые ножны, лежащие на маленьком свернутом белом коврикe, вынула узкий легкий кинжал около 25 сантиметров длиной и прижалась щекой к холодному, острому лезвию. Перед глазами вновь возникло смертельно белое, перекошенное мукой лицо Петра, и я, не выдержав, тихо застонала.

– Но, но, мадам, – залопотал продавец, мягко отнимая у

меня нож. — Кусунгобу но!

Кусунгобу, как я уже знала, назывался специальный кинжал для ритуала харакири. Я с непониманием смотрела, как продавец быстро прячет коробку под прилавок.

— Но я хочу купить, — сказала я, с трудом улыбаясь и протягивая ему деньги.

Он неуверенно улыбнулся в ответ, нырнул под прилавок и быстро разложил передо мной шелковые расписные и деревянные резные веера, нитки белого и розоватого речного жемчуга, какие-то безделушки из цветных камней, гофрированные бумажные зонтики.

— Для мадам, — сказал он, не переставая улыбаться.

Но я упрямо покачала головой и сказала, что хочу только кусунгобу. Продавец шумно вздохнул, укоризненно покачал головой и после краткого раздумья выложил коробку на прилавок.

Свиток второй

Кусунгобу, вынутый из ножен

Вернувшись в гостиницу, я убрала коробку в тумбочку и расплакалась. Потом, успокоившись, наконец-то позвонила родителям. Ответила мама и, услышав мой голос, вскрикнула и сразу начала ругать меня за то, что я так долго не звонила. Я сказала бесстрастным тоном, что все как-то не получалось, но у нас все в порядке, мы с Петром чувствуем себя отлично и пока не знаем, когда вернемся в Москву. Я хотела сообщить о смерти любимого, но так и не смогла, язык словно прилипал к гортани, едва я думала, что необходимо поставить в известность родных. Мама немного успокоилась, слушая меня. И в конце разговора попросила звонить хотя бы раз в неделю. Я твердо пообещала ей это, передала всем привет и положила трубку.

После недолгого и мрачного раздумья взяла телефон Петра, нашла номер Тору, переписала его себе и позвонила. Долго никто не отвечал, потом раздался немного напряженный голос.

– Кто это? – спросили меня на английском.

– Это Таня, – четко произнесла я, – знакомая Петра.

– Таня?! – явно испугался Тору. – А ты где?

– В Токио, – спокойно ответила я и почувствовала стран-

ный прилив сил.

«Вы у меня все подохнете в страшных мучениях!», – вос-
торженно подумала я, а вслух непринужденно спросила: –
Как дела?

– Хорошо, – ответил он после продолжительного молча-
ния. – А мы решили, что ты давно в Москве. Правда, Юкио
звонил и сообщил, что ты так и не появилась и не связалась
с ним. Ему пришлось срочно вылететь в Наху, квартира-то
его, – торопливо говорил Тору. – Ты исчезла, и мы не знали,
что думать. Так что отправкой тела и всеми формальностями
занимался Юкио.

– Тела? – затихающим голосом уточнила я. – Чьего?

Тору замолчал. А я пыталась унять невольную и сильную
дрожь, от которой у меня начали стучать зубы. Тору продол-
жал молчать. Я взяла себя в руки, и, помня, что говорю с
врагом, как могла более спокойно спросила:

– Эй! Чьего тела-то?

– А ты разве не знаешь? – насторожено поинтересовался
он. – Ты же была с Петром. Мы тебя потом всюду искали.

– Когда была-то? – стараясь говорить равнодушно, спро-
сила я. – Вы все не в курсе что ли? Я думала, Петр все давно
рассказал вам, своим друзьям.

– Что рассказал? – спросил он.

– Что мы не вместе, – ответила я. – Мы сильно разругались
и разбежались. Я уехала в Токио, сказав на прощание, что
между нами все кончено. И больше я ничего об этом парне

не знаю и, в принципе, знать не хочу. А так как у меня гостевая виза до сентября, я решила, что глупо сразу возвращаться в Россию. Вот и застряла пока здесь, достопримечательности осматриваю, да и развлекаюсь на всю катушку. А тут вчера в Гиндзе, в одном из магазинов увидела девушку, разительно напоминающую твою подружку. Манами, кажется? Ты еще так смешно называл ее, что-то... тян.

– Нэко-тян, – тихо сказал Тору. – Это означает «кошечка». Вы ведь тоже даете такие прозвища.

– Да, конечно, – сухо ответила я. – Вот и решила позвонить,... просто так поболтать.

– И хорошо, – радостно сказал Тору. – А то мы волноваться начали.

«Сомневаюсь», – ехидно подумала я. И сказала:

– И как твоя кошечка поживает? А Степа где?

– Манами рядом и передает тебе привет. А Степан улетел позавчера в Москву. Его работа закончилась.

«Хорошенькая работа, – злобно подумала я, – и в результате десятки трупов».

То, что Степан мог быть не причастен к Аум, я допускала. Но в тот момент склонна была подозревать всех и вся.

– А чем Манами занимается? – нарочито равнодушно спросила я.

Тору молчал. Пауза затянулась.

– Привет ей передавай, – нарушила я молчание. – Так чем она занимается?

– Значит, ты ничего не знаешь, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Тору, не ответив на мой вопрос.

– А о чем я должна знать? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

– Петр погиб, – осторожно сказал он.

– Да? – изобразила я удивление. – И каким образом?

– Несчастный случай, утонул в океане, – сообщил Тору.

– Я понятия не имела. Да и откуда? Я с ним порвала и не общалась ни разу после расставания. Но я очень огорчена. Все же мы были близки, хоть и недолго. Бедный парень. Хорошо, что я с ним рассталась до этого прискорбного случая, а то хлопот не оберешься. Но я сожалею, что с ним такое произошло, – торопливо проговорила я. – И давай больше не будем об этом вспоминать. Мне это неприятно. Что было, то прошло. У каждого своя судьба.

– И каждый от рождения идет к смерти, – подхватил Тору. Мы замолчали.

– А в какой гостинице ты остановилась? Где-нибудь в центре? – спросил он после паузы.

«Ага! Рыба заглотила наживку», – радостно подумала я.

– Так в какой? – вновь поинтересовался Тору.

– Денег у меня, сам понимаешь, не очень-то много, – спокойно ответила я, – поэтому я проживаю в маленькой европейской гостинице «Шервуд-отель».

– А в каком районе?

– В Мегуро, – нехотя сказала я.

– А, это на юго-западе, – задумчиво произнес Тору.

– Причем на окраине этого района, – уточнила я.

Мое воинственное настроение сразу сменилось на подавленное. Меня почему-то напрягало, что я открыла свое местоположение.

– Это довольно далеко от нас, – заметил Тору. – Но все равно хотелось бы с тобой встретиться. Тебе, наверно, одиноко? – решил он наконец-то проявить заботу.

– С чего ты взял? – деланно засмеялась я. – Я тут познакомилась с кучей молодых и симпатичных англичан. Мы ходим по театрам и ресторанам. Вчера поднимались на смотровую площадку телебашни. Вид на Токио такой, что захватывает дух, – с восхищением добавила я.

– Ясно, – непонятым тоном сказал Тору. – Может, найдешь и для нас время? И встретимся завтра вечером? Ты, конечно, бывала в нашем знаменитом районе Гиндза, что-то типа вашей Тверской?

– Да, и не один раз, – вяло ответила я.

Тору замолчал. Видимо, интонация моего голоса его не вдохновила.

– А знаешь, – неожиданно засмеялся он, – тут Манами предлагает поехать всем вместе в наш «Диснейленд». Можешь взять своих друзей-англичан.

– Хорошо, – легко согласилась я. – Я тебе завтра позвоню, и договоримся более конкретно.

Я положила трубку.

«А ведь он даже не поинтересовался, почему я позвонила, — обеспокоено подумала я. — Типа увидела девушку, похожую на Манами, и только из-за этого вспомнила о них? Звучит, не очень правдоподобно. Хотя, почему бы мне, одинокой скучающей, и не позвонить? Зря я накручиваю! Лучше поддерживать имидж недалекой и легкомысленной барышни, с не совсем логичными поступками. Так проще усыпить их бдительность. Но как быстро он сориентировался и сразу назначил встречу! Наверняка хотят и меня заманить в секту. И, может, он не поверил в мою историю ссоры с Петром. Да и деньги в сумке были огромными. Неужели принадлежали секте? Вывод напрашивается сам собой. Нужно быть настороже».

Ночью я спала плохо и утром выглядела неважно. К тому же снова плакала.

«Тело отправили в Москву, — думала я, с трудом сдерживая рыдания. — Бедная Елизавета Викторовна! Как только она все это пережила! И что она думает обо мне, если я даже не связалась с ней и не выразила соболезнования».

А днем позвонила Манами. Она радостно защебетала, милосердно коверкая английские слова и без конца вставляя японские. С произношением у нее было намного хуже, чем у Тору, но говорила она намного быстрее. Ее навязчивость настораживала. Уж очень активно она уговаривала меня поехать сегодня в «Диснейленд» в их компании.

— Хочется повеселиться на выходных, — ныла она, — а то

я так устаю на работе.

– А кем ты работаешь? – поинтересовалась я.

– Я – дорожный полицей, – сообщила Манами и глупо захихикала.

– Кто? – удивилась я.

И тут же вспомнила виденных мной как-то на дороге девушек, одетых в ярко-синюю форму. Они отследили машину, припарковавшуюся в неположенном месте, прилепили на стекло желтый бланк извещения, а потом, к моему изумлению, провели обычным белым мелом черту возле колеса прямо на асфальте. Представив смешливую болтушку Манами за этим серьезным занятием, я невольно улыбнулась.

– Ну, так что ты решила? – настаивала меж тем она.

И я отказалась, сославшись на срочные дела.

– У тебя, наверное, свидание с кавалером? – вновь захихикала Манами. – Поэтому ты и отказываешься? Так возьми его с собой.

– Нам лучше побыть наедине, – лицемерно сказала я и шумно вздохнула.

А потом пригласила ее и Тору к себе в гостиницу на следующий вечер. Ненависть буквально жгла меня. Она, не раздумывая, приняла приглашение, что меня снова насторожило.

Всю ночь я не сомкнула глаз. Картины умерщвления моих врагов вызывали улыбку, их предполагаемые муки радовали до дрожи. Я периодически доставала из коробки кусунгобу

и гладила тонкое лезвие. Хотя нож и был сувенирным, сделанным на потребу туристам, все равно его лезвие казалось мне достаточно острым.

Тору и Манами явились вовремя. Я надела к их приходу красное с золотыми хризантемами кимоно, обмотав его вокруг своего сильно исхудавшего тела. Потом убрала волосы в высокую прическу и подвела глаза черным карандашом, придав им миндалевидную форму.

– О! Ты стала настоящей японкой! – неподдельно восхитился Тору, как только вошел в номер.

Я поздоровалась и пригласила их в гостиную. На фоне обычного европейского интерьера мой костюм выглядел странно, и скоро я переоделась в голубые джинсы и белый топик. Мои гости тоже были одеты в обычном городском стиле. Манами очень шла красивая голубая кофточка с белыми кружевными вставками. Тору принес бутылку красного сливового вина. Мы уселись за стол, на который я поставила кое-какие закуски, и стали непринужденно болтать. Но все темы, связанные с Петром и их совместной работой, они старательно обходили.

Выпив вино, Тору стал очень веселым. Он нежно обнял Манами и начал рассказывать весьма фривольную шутку о знахаре, который лечил геморрой жабьим маслом. Подружка незаметно толкнула его.

– Ах, да, – смущенно засмеялся он, – не при дамах! Прошу прощения!

Потом стал серьезным и словно протрезвел.

– Знаешь, Таня, – начал он после краткого раздумья, – хорошо, что ты позвонила. Мы искали тебя, волновались. И сейчас хотим попросить... в память о Петре, – торопливо и тихо добавил он, – помочь нам.

– Чем? – мгновенно насторожилась я и невольно нахмурилась.

– Пустяк! Когда полетишь в Москву, возьми с собой несколько дисков с компьютерными программами, только и всего! Юкио встретит тебя прямо в аэропорту. Отдашь ему. Это нужно по работе.

– Но я еду только через несколько месяцев, – сухо заметила я. – А по электронной почте переслать нельзя эти ваши программы?

– Нельзя, – сказала Манами. – Поэтому тебя и просим.

«А она-то куда встревает? Вроде, в женской полиции работает. Значит, вот зачем я им понадобилась! Хотят использовать в качестве курьера. Чертовы сектанты!» – думала я и молчала.

– Так что? – не утерпел Тору.

– Хорошо, возьму, – спокойно согласилась я. И, улыбнувшись, добавила: – Позвольте угостить вас шотландским виски.

– Неси! – обрадовался Тору к моему удивлению.

Я всегда думала, что японцы более спокойно относятся к спиртному и им «догоняться» необязательно. Я вышла в

спальню, поставила на поднос открытую бутылку виски «Королева Анна» с заранее всыпанной лошадиной дозой транквилизатора, три бокала и бутылку тоника.

То, что я сама пила исключительно тоник, не вызвало у моих, уже пьяных гостей никаких подозрений. Через час они свалились со стульев, как мешки с рисом, и застыли на полу в скрюченных позах. Я оттащила их на середину комнаты и положила рядом, с любопытством глядя в белые искаженные лица. Но они дышали, а Тору даже похрапывал. Тогда я бережно вынула кусунгобу из ножен, сжала рукоять двумя руками и встала над ними, подняв нож острием вниз.

Манами в этот момент зашевелилась, что-то пробормотала по-японски, перевернулась на бок и обняла Тору, прижавшись к его плечу щекой. Он перестал храпеть и тоже придвинулся к ней, повернув голову и прильнув на миг губами к ее волосам. Их застывшие улыбки разительно напоминали улыбки ангелов на рождественских открытках.

И я не смогла. Нож выпал из моих рук. Я без сил побрела в спальню, упала на кровать и несколько часов проплакала, уткнувшись лицом в подушку.

Они проснулись около полудня и посмотрели на меня ничего непонимающими ословевшими глазами.

– Как голова трещит! – заметил Тору, вставая с пола и помогая подняться Манами.

Их лица выглядели одинаково виноватыми и помятыми. Извинившись, они быстро ретировались, даже не выпив

предложенный мною жасминовый чай.

А я, оставшись одна, крепко задумалась. Вчерашнее, испытанное мной потрясение заставило по-новому оценить собственное состояние. Ведь я была в шаге от убийства. Но на тех ли людей я замахнулась? Они, по сути, такие же жертвы, как и мой мертвый возлюбленный, такие же пешки в неизвестной мне игре. Главное зло – верхушка секты, ее организаторы и руководители. Но как я, обычная русская девушка, могу добраться до вершины этой пирамиды? Завербоваться в секту? Эта мысль мне инстинктивно не понравилась. Я в задумчивости ходила по комнате, потом налила остывший чай и машинально включила телевизор. Я его сейчас смотрела регулярно, переходя с канала на канал и выискивая новые известия о расследовании мартовского теракта.

На одном из каналов шел японский фильм, повествующий, насколько я поняла, о романтической и несчастной любви юной гейши и высокопоставленного чиновника, обремененного женой и детьми. Я вяло следила за перипетиями сюжета, не совсем улавливая смысл. Фильм шел на японском, правда, с английскими субтитрами, которые я не успевала прочитывать.

И тут меня осенило. Гейша! Она имеет доступ в любые слои общества и легко может проникнуть в самые верхи. Правда, в тот момент я мало знала об этом ремесле, думая, что гейши – это дорогие элитные проститутки. Но мысль добраться до самого Асахары под видом гейши и уничтожить

его очень мне импонировала. Картинки, проносящиеся перед глазами, мгновенно согрели мою застывшую душу. Я видела себя в костюме и гриме гейши, представляла, как проникаю в секту в таком образе. И мне в тот момент подобные планы казались вполне осуществимыми.

Это сейчас мне кажется странным, что я тогда серьезно прикидывала, как мне быстрее заразиться СПИДом, чтобы потом переспать со всей верхушкой Аум, включая и самого «учителя», заразить их и таким образом расправиться с ненавистными врагами. Мне было невдомек, что СПИДом заразиться не так-то просто. Я понятия не имела, что его смертоносное действие сильно разрекламировано, как это не покажется странным, а сама болезнь – настоящий раскрученный брэнд. В принципе это оправдано, потому что вызывает у людей страх, заставляет их принимать меры предосторожности. Но ведь кроме СПИДа есть много других, не менее опасных заболеваний. Почему же о них столько не говорят и не пишут, как о СПИДе? Позже я узнала, что мало известные в народе гепатиты В и С, которые также передаются половым путем, намного опаснее СПИДа и заразиться ими проще и быстрее. Врачи называют их «ласковыми убийцами», потому что больные этими гепатитами умирают медленно. Печень необратимо разрушается. А вот ВИЧ-инфицированный при наличии сильного иммунитета может жить годами и даже не чувствовать, что он болен.

Но тогда я об этом понятия не имела. К тому же в том

состоянии, в котором я пребывала на тот момент, меня мало что могло испугать. Смерть, забравшая Петра, словно забрала и мое сердце и накинула саван на еще живое тело. И если оно могло послужить орудием мести, то почему бы не использовать его именно так? И уже потом умереть самой. Я хотела, чтобы мой саван накрывал не только меня, но и всех виновников страшной гибели моего возлюбленного. Смерть Юкио также входила в мои планы. Мысли о превращении в гейшу распустились в душе, словно крупные цветы камелий, и вызвали яркий румянец на моих обычно бледных щеках. Но как мне, русской девушке, пусть и с частицей японской крови, стать гейшей?

Ответ на этот мучивший меня весь день вопрос пришел сам собой. Вечером позвонила Манами и, немного смущаясь, сказала, что она и Тору просят у меня извинения за свое непозволительное поведение. Они оба не понимают, как такое могло произойти, ведь выпили они, в общем-то, не так уж и много.

– Виски, наверно, некачественный был, – невозмутимо ответила я.

Манами явно обрадовалась, что я не сержусь. И тут же пригласила на «послеобеденный чай» к своей тете, которая имела собственный чайный дом, что в Японии являлось очень доходным бизнесом.

– У тети дело поставлено серьезно, – сказала в заключение Манами, – с соблюдением вековых традиций. У нее и гейши

есть.

В моем сердце зажглась искра радости, и я сразу согласилась.

Они заехали за мной на машине Тору. Миновав наш тихий квартал с ровными коробками панельных домов, мы поехали мимо большого зеленого парка, и скоро вывернули на довольно оживленную магистраль Ямате. Но я не смотрела по сторонам. На меня опять накатил приступ ненависти. То, что я пощадила их, почему-то невыносимо раздражало. Разум вновь затуманили картины предполагаемой местности. Мне доставляло удовольствие созерцать коротко остриженный затылок Тору и упиваться мыслью о его незащищенности. Я сидела на заднем сидении и тешила себя мыслями, что могу в любой момент что есть силы ударить по этому затылку. Я закрыла глаза, представляя, как его голова стукнется о руль, как завизжит Манами, сидящая рядом, и как машина, не сбавляя скорости, врежется в какое-нибудь дерево или вылетит на обочину и перевернется несколько раз, как это обычно показывают в боевиках. И тогда наконец-то все умрут, включая и меня. Даже мои планы превращения в гейшу уже не привлекали меня и не могли остановить все разрастающуюся ненависть. Она буквально жгла. И я никак не могла переключиться на что-нибудь другое.

– Моя тетя, госпожа Цутида, – сказала Манами, поворачиваясь ко мне, – живет в очень красивом знаменитом месте города. Район называется Асакуса.

Я глянула в ее улыбающееся узкоглазое лицо.

– А это где? – ответила я, стараясь принять заинтересованный вид.

– В переводе Асакуса значит «низкая трава», уж и не знаю почему, – продолжила Манами. – А ты там разве еще не побывала?

– Как-то не довелось, – ответила я. – Мы, как приехали..., – я запнулась, и тут же взяв себя в руки и натянув маску равнодушия, продолжила: – ...побывали лишь на вашем Бродвее, то бишь, Гиндзе.

– Но это, в принципе, не так далеко, – встрял Торю. – Асакуса немного севернее. Там находится известный храм милосердной богини Каннон. Можем потом сходить. Кстати, – засмеялся Торю, – знаменитая марка Canon взяла свое название от имени богини Каннон. Да, по дороге к храму очень много сувенирных лавок со всякой буддийской утварью и прочими любопытными штучками. Туристы любят покупать, – добавил он. – Кстати, совсем недалеко раньше располагалась знаменитая Ёсивара.

– А что это? – равнодушно спросила я.

– И вовсе некстати, – тихо сказала Манами и даже незаметно толкнула Торю. – Тане это знать неинтересно.

– Почему же? – возразила я. – Что это за Ёсивара такая?

– Это так называемые веселые кварталы, – нехотя ответил Торю.

Я ничего не сказала и вновь вперила взгляд в его затылок.

Змеи ненависти, живущие во мне, подняли головы и завели свое бесконечное угрожающее шипение.

Из тетради лекций госпожи Цутиды:

«Сёдзи Дзингэммон, один из владельцев публичного дома, подал в 1612 году прошение. Он предложил отделить городской квартал и поместить туда всех проституток Эдо под контроль полиции. Это соответствовало политике сёгуната, уже предписавшего самураям жить в одном районе города, а простолюдинам – в другом. Проект одобрили, и в 1617 году появился первый "веселый квартал", названный Ёсивара. Первоначально это значило "Тростниковое поле", но в дальнейшем иероглифы были изменены на "Веселое поле".

Квартал окружили рвом с водой и высокой стеной с воротами, закрывавшимися на ночь. Юдзё⁵ было разрешено выходить только в трех случаях: для посещения врача, по вызову в суд и во время прогулки с клиентом для любования сакурой. Во всех случаях их сопровождал полицейский соглядатай. Ходить юдзё имели право только босиком.

Опыт Ёсивара оказался удачным, и подобные кварталы появились по всей Японии. Наиболее известными из них были Симабара в Киото и Симмати в Осаке. Слово "ёсивара" стало нарицательным

---

⁵ Юдзё – профессиональная проститутка

– общим названием для всех "веселых кварталов". Ёсивара был засажен ивой – китайским символом проституции и сакурой.

Публичные дома в Ёсиваре получили свою классификацию. Цены на услуги соизмерялись с красотой, славой и умением женицин. Омаагаки – первый ранг, хаммагаки – второй, дайте комисэ – третий ранг и так далее, вплоть до пятого. У самых низших не было ни утонченности услуг, ни времени для долгих любовных игр.

Мидзу-дзя – водяные чайные дома занимались лишь торговлей чаем, тогда как хикитэ-дзя были чайными домами для интимных знакомств. У хикитэ-дзя были проводники в дома куртизанок, известные как иро-дзя, или «любовные» чайные дома. Служанки кланялись и простирались, принимая гостей. Посетители часто хотели веселья на полную катушку и просили нанять дополнительно тайко – моти – букв. «человека с барабаном» и гейш».

Госпожа Цутида жила в прекрасной квартире современного высотного дома. Но мы не пошли к ней в гости, потому что Манами попросила устроить для меня настоящую тяною.⁶

Когда мы подошли к саду, в котором находился чайный домик, Манами быстро и тихо проговорила:

– Этот садик называется «родзи», что означает «земля,

---

⁶ Тяною – чайная церемония.

увлажненная росой».

Мы двинулись по саду, и я машинально глянула себе под ноги, но никакой росы, естественно, не обнаружила. Зато увидела камни разной формы и величины, лежащие на дорожке как бы случайно и хаотично.

– Сейчас мы подойдем к тясицу, – сказал Тору.

– Так называется сам чайный домик, – добавила Манами.

– И ты увидишь небольшой колодец. Нужно вымыть руки, – продолжил Тору.

– Колодец называется «цукубай», – тоном экскурсовода сообщила Манами.

Мы подошли ко входу в домик, и я увидела камень с выдолбленным углублением, заполненным водой. Рядом лежал бамбуковый ковшик с длинной ручкой. Тору помыл руки, потом тщательно ополоснул ковшик и даже его ручку и протянул мне. Я повторила.

– Вход в тясицу низкий и узкий, – тихо проговорил Тору. – Это для того, чтобы за тобой не могли проникнуть из внешнего мира твои дурные мысли, заботы, плохое настроение.

– А вообще-то, – тихо засмеялась Манами, – это было сделано в давние времена для того, чтобы самураи не могли пройти с оружием. И перед посещением чайного дома они были вынуждены снимать его.

– Есть, конечно, отдавая дань современности, и другой вход, обычная дверь, но мы им не воспользуемся, а пойдем узким, традиционным, – продолжил Тору. – Тебе необходи-

мо, Таня, оставить груз земных тревог за порогом, — добавил он и ясно мне улыбнулся.

Я вздрогнула от такого странного заявления, но промолчала.

При входе мы сняли обувь. И я, как главный гость, вошла первой. Госпожа Цутида появилась минут через пять через другой вход. Это была хорошо сохранившаяся японка неопределенного возраста с приветливым спокойным лицом и глазами, похожими на спелые черные сливы. Она была одета в нарядное, черное с золотом, праздничное кимоно. Нас представили друг другу, мы уселись на циновки и замолчали.

Видя, что беседовать никто не расположен, я огляделась. Помещение оказалось небольшим и прохладным. Несколько окошек располагались почти под потолком. Стены на вид были глиняными и ничем не украшались. Только напротив входа в неглубокой нише висел прямоугольный желтоватый лист с неясным рисунком. Тут же стояла керамическая ваза с веточкой сосны и цветком камелии, ярко розовеющим среди длинных темно-зеленых иголок.

Госпожа Цутида подошла к уже закипающему чайнику, стоящему на раскаленных углях очага. Мы молча наблюдали, как она берет большую керамическую чашку, похожую на пиалу, открывает деревянную шкатулку с лаковой миниатюрой на крышке, достает оттуда деревянной ложкой чай в виде светло-зеленого порошка, насыпает его в чашку и медленно заливает кипятком. Ее движения были изящными, нето-

ропливыми и ни на мгновение не сбивающимися с одного, раз и навсегда заданного ритма. Они завораживали. Я не отрывала от нее глаз и словно попала под какой-то гипноз, постепенно полностью расслабившись.

Впервые после смерти Петра я почувствовала, как ядовитые змеи ненависти внутри меня начинают успокаиваться, и боль отпускает мою отравленную душу. Я бездумно смотрела, как госпожа Цутида ритмично взбивает чай бамбуковым веничком, потом переводила взгляд на ее умиротворенное лицо во время этой процедуры.

Лица Тору и Манами приобрели одинаковое выражение покоя. Их черные глаза невозмутимо следили за методичным движением веничка, уголки губ приподнялись и застыли в легкой улыбке. Когда на поверхности чая появилась матовая, светло-зеленая пена, госпожа Цутида аккуратно вынула веничек, убрала его, неторопливо приблизилась ко мне и, поклонившись, протянула чашку. Я была незнакома с обычаем и вопросительно глянула на Тору. Он улыбнулся госпоже Цутиде и что-то тихо сказал ей на японском. Она кивнула. Тору взял шелковый платок и положил его мне на левую ладонь.

– Возьми чашку правой рукой и поставь ее на платок, – тихо сказал он. – Отпей несколько глотков, оботри край и передай мне.

Чай был горьким, терпким, но пришелся мне по вкусу. Я посмаковала его, потом достала носовой платок, тщательно

вытерла влажный след и протянула чашку Тору. Он пригубил и отдал Манами. Так мы передавали чашку по кругу, пока не выпили весь чай. Потом обстоятельно обсудили красоту рисунков на ее боках, по очереди выразив восхищение мастерством художника по глине.

Затем госпожа Цутида принесла поднос с чаем намного жиже и более привычным на вкус. На тарелочках были поданы пирожные из бобовой пастилы. Я попробовала их впервые, и они мне необычайно понравились. Разговор мы вели по-прежнему неторопливый и на темы, связанные с красотой и гармонией. Время словно остановилось. Приняв приглашение, я рассчитывала увидеть гейш, познакомиться с ними и попытаться приблизиться к своей цели. Но сейчас мне даже думать об этом не хотелось.

После окончания церемонии я тепло попрощалась с хозяйкой и с сожалением покинула чайный дом.

***Из белой записной книжки с
изображением белой лилии на обложке:***

«Ты описываешь мне пищу, но не попробовав ее на язык, я не смогу понять до конца ее вкус. Ты говоришь о чистоте и прохладе источника, но не окунув в него свое лицо, не опустив в воду руки и не глотнув хотя бы каплю из этого источника, я не узнаю, что это такое.

Невозможно получить чувственный опыт, опираясь

на объяснения других».

Из записок даосского монаха школы Цюаньчжэнь.

В мае арестовали Сёко Асахару, но он упорно отказывался признавать причастность секты к газовой атаке в метро. Я смотрела новости и, впервые увидев его одутловатое лицо с узкими подслеповатыми глазами, завешенное длинными черными волосами, вновь почувствовала стремительно нарастающую ярость и желание убивать. Я плюнула на экран в его ненавистную физиономию и решила не отступать.

Тору и Манами после проведенной вместе чайной церемонии стали часто приглашать меня куда-нибудь. Вначале моя душа чуть приоткрылась, так просыпающийся на рассвете тюльпан начинает расправлять сжатые лепестки. Но потом я решила, что их дружба вовсе небескорыстна, и они хотят использовать меня в своих, пока неведомых мне целях. Как-то гуляя по городу, я наткнулась на магазин русской книги. Порывшись на полках, нашла брошюру о сектах. Внимательно ее проштудировав, я кое-что узнала о методах воздействия. По сути, «учителя» зомбировали психику, и завлеченные в секту адепты делали все, что им говорили. И выйти из этой среды было практически невозможно. Попав туда, особо это касалось тоталитарных сект, человек словно умирал для окружающего мира. И не только все его состояние, но и душа, тело и все его помыслы становились достоянием «учителя». И все, кто не принадлежал к секте, автоматически становились ее врагами. Я четко усвоила, что это

общий закон для подобных организаций. Все, кто вне секты — ее враги.

И если Тору и Манами входили в «Аум Синрикё», то вся их нежная дружба и забота обо мне была притворной, и я оставалась для них врагом.

*Из белой записной книжки с
изображением белой лилии на обложке:*

*Кошки игра проста —
Лапкой легко накрывает
Муху на окне...*

Исса

В конце мая я созвонилась с госпожой Цутидой и попросила о встрече. Она не выказала особого удивления и любезно согласилась составить мне компанию в русском ресторане. Я его недавно обнаружила в паре кварталов от моей гостиницы. В назначенное время я заняла столик, заказала винегрет, борщ, шашлык и водку, в ресторане все эти блюда считались сугубо русскими, и стала ждать. Госпожа Цутида явилась без опоздания. На ней был элегантный светло-серый брючный костюм, туфли на каблуках. Она выглядела современной состоявшейся бизнес-леди. Поздоровавшись, она уселась за столик и выразительно, с едва скрываемым любопытством на меня глянула. Но первая ничего спрашивать не

стала. Уже привыкнув к этой чисто японской сдержанности и вежливости, я не стала ходить вокруг да около и сразу приступила к делу.

– Видите ли, – начала я, – мое дело покажется вам, возможно, необычным. Я через несколько месяцев возвращаюсь на родину. И решила основать свой бизнес.

Я сделала паузу и пытливо на нее глянула. Госпожа Цутида не сводила с меня глаз.

– Пожив в вашей удивительной стране, я влюбилась в местную культуру и очарована обычаями. И вот решила, что мне нужно и в России организовать что-нибудь по-настоящему японское. И как мне думается, лучше всего дело пошло бы с гейшами.

Я все-таки смогла удивить ее. Госпожа Цутида рассмеялась, но тут же взяла себя в руки. Ее лицо приняло спокойное выражение.

– Продолжай, – сказала она, улыбаясь.

– Для начала мне самой не мешало бы постигнуть науку гейш, – заявила я. – И только вы можете помочь мне в этом.

Госпожа Цутида задумалась, опустив глаза и вяло ковыряя вилкой в винегрете.

– Первое подавать? – подскочил к нам официант, светловолосый парень, явно русского происхождения, но с хорошим английским.

Я посмотрела на его красную косоворотку, заправленную в украинские на вид широкие синие шаровары, потом под-

няла глаза на круглое симпатичное лицо с широким, немного вздернутым носом и голубыми глазами.

– Борщ? – спросила я госпожу Цутиду.

Она молча кивнула.

– Принесите борщ. И сметаны не жалейте, – сказала я по-русски.

И с удовольствием увидела, как официант покраснел и заулыбался, внимательно на меня глядя.

– Ну, чего вы застыли? – улыбнулась я.

– Момент, мадам! – ответил он на английском и быстро отошел от столика.

– Что ж, – наконец проговорила она, – твое предложение интересует меня только с одной стороны. Мне кажется перспективным для моего бизнеса предлагать тебя гостям в качестве диковинки, необычной русской гейши. И вместо традиционного кимоно и игры на сямисэне ты будешь в вашем сарафане и с балалайкой. Тебя устроит такая работа?

– Не совсем, – подумав, ответила я. – Я не нуждаюсь в деньгах. И если я буду работать в вашем чайном домике, то не буду чувствовать себя достаточно свободной. К тому же мне хотелось бы получить основные знания о ремесле гейши на каких-нибудь специальных занятиях. Иначе, как я смогу поставить свое дело на родине?

Госпожа Цутида вновь задумалась. Потом сказала:

– Но лучший способ – это минараи. Именно его применяют в школах гейш. Его суть – обучение посредством наблю-

дения.

В этот момент официант принес на подносе, расписанном под хохлому, две тарелки с борщом и нарезанный черный хлеб, на вид настоящий бородинский. Поставив все это перед нами, он удалился.

– Может, поступим проще, – предложила я, видя, что молчание затягивается. – Вы будете давать мне уроки, а я заплачу столько, сколько вы скажете. А перед вашими гостями выступлю, что называется, на общественных началах. Вы просто дадите мне возможность попробовать себя в качестве гейши.

– Но как с оплатой? – задумчиво спросила госпожа Цутида.

– Я не хочу подписывать никаких деловых соглашений, – упрямо сказала я. – Представьте, что я просто ваш гость и таким образом развлекаюсь. А деньги клиентов можете засчитывать за мои уроки.

– Это интересно, – наконец улыбнулась она. – И, в принципе, почему бы и нет?

Мы обстоятельно оговорили сумму за уроки. Мне она показалась чрезмерной. Выпив водки и невольно поморщившись, госпожа Цутида покраснела и стала более разговорчивой.

– И почему ваша водка такая холодная? – спросила она. Я улыбнулась, но промолчала. Традиционно sake подавалось в теплом виде.

– А ты представляешь, что такое гейша? – спросила она, не дождавшись ответа.

Я не стала распространяться о своих представлениях и решила послушать ее. Она достала ручку из сумочки и быстро нарисовала два иероглифа на бумажной салфетке.

– Иероглиф «гей» обозначает искусство, а «ся» – человек, – сказала она, показывая на рисунок. – И что у нас получилось?

– Гей – ся, – ответила я, – человек искусства.

– Вот именно, – довольно проговорила госпожа Цутида. – И обучение проходят с малых лет. Три основных кита – пение, танцы и игра на музыкальных инструментах. И, конечно, умение вести беседу. У тебя какое образование? – поинтересовалась она.

– Культпросвет училище, – ответила я.

– А что это?

– При советской власти эти заведения были созданы для того, чтобы подготовить работников сельских клубов. Исходя из этого, культпросвет работники должны были знать и о постановке танцев, и о хоровом пении, и об игре на различных инструментах, и о самодеятельных театрах. Так же в обучение входит и библиотечное дело. Я окончила танцевальное отделение.

– Но это же прекрасно! – сразу воодушевилась госпожа Цутида. – Ты вполне образованная барышня именно в нужном нам русле. Гейша кроме перечисленных тобой умений,

за исключением, конечно, библиотечного дела, – неожиданно добавила она и хихикнула, прикрыв рот ладонью, – должна знать еще кое-что: психологию и особенно психологию мужчин. А также быть сексуально образованной. Хотя сейчас все современные девушки знают об этом достаточно и имеют колоссальный опыт общения с противоположным полом.

«Как раз про меня это трудно сказать», – подумала я.

– Посадить тебя за одну парту вместе с нашими ученицами, я не вижу возможным, – продолжала она, – поэтому наши занятия будут только индивидуальными. А игру на каком инструменте ты осваивала в своем училище? – поинтересовалась госпожа Цутида.

– На баяне, – хмуро ответила я. – Это обязательный инструмент по программе курса. Или аккордеон.

То, что я несколько лет участвовала в представлениях нашего самодеятельного театра «Кабуки», я отчего-то постеснялась сообщить.

– И вот еще что, – сказала госпожа Цутида, – привыкай с сегодняшнего дня всегда иметь беззаботное выражение лица. Гейши должны вызывать восхищение именно своим отстраненным от земных забот видом. Они, как живое произведение искусства, выглядят прекрасно, дорого, безупречно и желанно. И к тому же мужчина может поиграть с этим произведением в живую женщину. Поняла?

– Да, – немного натянуто ответила я.

Взятая задача стала казаться мне не такой простой, как я думала вначале.

– А то у тебя, я заметила, – неожиданно добавила она, – в глубине зрачков постоянно плещется печаль.

После обеда я проводила госпожу Цутиду до ее такси и вернулась в ресторан. Мне хотелось еще выпить водки и подумать обо всем услышанном. Сев за столик, я позвала официанта и заказала к водке малосольных огурцов.

– А ведь вы русская, – тихо проговорил он и улыбнулся.

Его голубые глаза, не отрываясь, смотрели мне в лицо.

– Да, – спокойно ответила я и оглянулась.

На небольшой сцене рассаживался ансамбль балалаечников в цветастых косоворотках, заправленных в обычные синие джинсы. Они быстро настроились и заиграли «Ах вы сени, мои сени».

– Присаживайся, – сказала я официанту. – Как тебя зовут?

– Нам категорически запрещено, – быстро ответил он. – Зовут меня Антон. Но здесь мы все Иваны.

– Ясно, – задумчиво проговорила я, внимательно глядя на его чрезмерно пухлые красные губы. – А я Таня. Живу неподалеку, в гостинице «Шервуд». Хочешь в гости заглянуть?

Я быстро опрокинула в рот стопку водки и захрустела огурцом. Антон оглянулся по сторонам, потом наклонился ко мне и тихо проговорил:

– Загляну. Напиши на салфетке телефон.

Допив водку, я расплатилась, преодолев инстинктивное

желание оставить чаевые. Но в Японии это было не принято и считалось дурным тоном даже в русских ресторанах, не говоря уже о национальных. Скользнув равнодушным взглядом по залу, я вышла на улицу.

Было уже довольно поздно. Пирамидальные верхушки криптомерий⁷ четко выделялись на фоне начинающего гаснуть неба. Мне стало невыносимо тоскливо. И впервые, после смерти Петра, захотелось уехать домой. Я медленно пошла в сторону гостиницы. Приняв ванну, я накинула халатик и включила телевизор. Переходя с канала на канал, привычно искала новости об Аум, но что-то ничего не попадалось. И тут зазвонил сотовый. Решив, что это Тору или Манами, я не ответила. Совершенно не хотелось общаться. Через какое-то время звонок повторился, и я посмотрела на дисплей. Номер был неизвестен.

– Слушаю, – равнодушно ответила я по привычке на английском.

– Таня? – поинтересовался приятный мужской голос. – Это Антон, официант из русского ресторана.

Я почему-то чуть не расплакалась от радости, услышав родной язык. И с готовностью, удивившей меня саму, ответила:

– Очень приятно! Я вас слушаю!

– Может, встретимся сегодня? Я скоро заканчиваю. Неохота ехать в квартиру. Нас там пять человек в маленькой

---

⁷ Криптомерия – японский кедр, считающийся в Японии священным деревом

комнатушке, снимаем на паях. Все молодые пацаны, и работаем, кто где.

– Идет! – легко согласилась я. – Приходи, как закончишь, ко мне в отель. Позвонишь снизу, и я спущусь.

– А в номер не приглашаешь? – поинтересовался он и тихо засмеялся.

– Не все так сразу, – улыбнулась я. – Я ведь тебя абсолютно не знаю.

Антон явился через полтора часа. Я к этому времени уже устала и хотела спать. И когда он позвонил, то вначале решила отказаться. Но его голос был таким милым. К тому же, услышав русскую речь, я не смогла устоять от нахлынувшего желания просто поболтать с соотечественником. Спустившись в вестибюль, огляделась, но Антона не было. И я вышла на улицу. Он стоял возле лестницы и смотрел на стеклянные двери гостиницы с явным ожиданием. Сменив косоворотку и шаровары на светло-серые брюки и голубую рубашку, Антон превратился в самого обычного парня. Я подошла и зачем-то протянула ему руку. Он улыбнулся и неожиданно поцеловал мои дрогнувшие пальцы.

«Зачем он мне?» – спросила я саму себя с запоздалым недоумением.

И тут поняла, чем он так зацепил мой взгляд. Глаза Антона были такого же разреза и формы, как и у Петра. Только у моего любимого они были зеленовато-серыми, а у Антона – голубыми. И оттенок русых волос тоже показался мне очень

похожим.

«Это паранойя», – подумала я, идя рядом с Антоном и искоса поглядывая на его курносый профиль.

– А мы куда, собственно? – после затянувшейся паузы поинтересовалась я.

– Давай закатимся куда-нибудь просто повеселиться, – сказал Антон. – Так хочется оторваться в компании симпатичной девчонки, к тому же русской. Хотя вид у тебя совсем японский. Если бы ты не заговорила со мной в ресторане по-русски, я бы никогда не подумал, – добавил он и посмотрел на меня с хитринкой.

– У меня четверть крови – японская, – сказала я и махнула рукой медленно проезжающему такси.

– Может, на метро? – немного жалобно спросил Антон.

– Да не волнуйся ты, я сама заплачу, – ответила я, понимая, что, видимо, он экономит на всем.

Жизнь в столице была очень дорогой. Мы уселись в такси, и я поправила сбившуюся подо мной шершавую ткань. Меня всегда удивляли эти кружевные накидки в местных такси. Пока я возилась, мое короткое платье задралось, и я поймала острый взгляд Антона. Он смотрел на мои голые колени.

– Так куда желает дама? – поинтересовался он и облизнулся совсем как кот, увидевший полную миску сливок.

– Куда-нибудь в центр, – ответила я. – Ты же хотел оторваться на полную катушку.

– Может, в Раппонги? – спросил он. – Там много ино-

странцев и дискотеки до утра. Но не очень дешево.

– Знаешь, я хочу в какое-нибудь злачное место, – решила я.

– Синдзюку, театр «Кома», – кратко сказал Антон таксисту.

Тот кивнул.

Когда мы подъехали к театру, я расплатилась и вышла, оглядываясь по сторонам. Народу на узкой улочке было много, везде сияли неоновые надписи рекламы, бежали разноцветные огоньки вдоль названий клубов и ресторанов.

– Хочешь перекусить? – заботливо спросил Антон.

– Можно, – согласилась я.

– Здесь неподалеку неплохая якитория. Пойдем?

Мы отправились по улице и довольно быстро оказались возле ресторана. Заняв свободный столик, заказали шашлычки из кальмаров и куриного мяса. В якитории они были традиционно маленькими.

– А мы, вообще, где? – решила я поинтересоваться.

– Ты же хотела в злачное место. Это одно из них. Мы в квартале Кабуки-тё. И здесь самые дешевые клубы с хостесс, пип-шоу, стрип-клубы и клубы знакомств.

– А ты специалист, – заметила я, с удовольствием поедая нежное куриное мясо и запивая его светлым пивом.

– Что ты! Просто иногда сюда приезжаю с ребятами. Здесь есть клуб с иностранками-стриптизершами. Там и наши девчонки работают. Но ты, как я вижу, не из них, – задумчиво

добавил он.

– Что ты, Антоша! – искренне возмутилась я. – Разве я похожа?

– Ты очень красивая и довольно загадочная девушка. Я тебя сразу заметил, как только ты появилась в нашем ресторане.

Он замолчал, медленно потягивая пиво. Я смотрела в его голубые глаза и постепенно чувствовала себя все лучше. Внешне Антон мне нравился.

«А почему бы и нет? – подумала я. – Все равно мне нужен мужчина... вместо учебного пособия. Почему бы мне прямо сейчас не начать учиться очаровывать и соблазнять?»

– А ты как попал в Токио? – ласково спросила я.

Антон улыбнулся и после паузы рассказал довольно красивую историю, как он поехал вслед за своей любимой девушкой, которая заключила контракт с симфоническим оркестром. Она играла на скрипке. Контракт был на год, но она затем подписала и на второй. Но влюбилась в кларнетиста, тоже русского. И Антон остался не у дел. И в результате она живет в служебной квартире вместе с любовником, а он, законный муж, вынужден работать официантом, хотя по образованию – экономист. Хорошо, что хоть английский знает.

Антон замолчал. Я внимательно на него смотрела, не зная, верить или нет. А потом решила, что, в принципе, мне все равно, даже если это – ложь. К тому же я сама наплела ему с три короба, что приехала к родственникам по приглашению,

но с ними жить сочла неудобным и поэтому поселилась в гостинице.

– Н-да, твои родственнички, видно, люди небедные, – заметил Антон, глядя на меня с непонятым выражением. – Стоит жизнь здесь дорого, а ты, я смотрю, денег не считаешь.

– У меня обеспеченный папа, – ответила я. – И здесь те-тушка владеет чайным домиком в Асакусе.

– Ого! – только и сказал Антон. – И гейши есть?

– Да, – усмехнулась я.

– Понятно.

И больше мы на личные темы не говорили.

Выйдя из якитории, мы пошли по улице, болтая о всяких пустяках. Потом Антон свернул в какой-то переулок, и мы оказались на узкой длинной улице, густо усеянной барами. Зазывалы буквально не давали проходу и настойчиво, правда, не переходя за рамки традиционной японской вежливости, приглашали в заведения. Возле одной двери Антон остановился.

– Хочешь в линжери-клуб? – спросил он.

– Пошли, – сказала я. – А что это?

– Ничего такого, – усмехнулся Антон.

Линжери-клуб оказался обычным баром, только девушки там работали в одном нижнем белье. За стойкой я заметила несколько девушек весьма специфического вида.

– Юдзё, – лаконично сказал Антон, проследив за моим взглядом.

– Шлюшки? – догадалась я.

– Да, – засмеялся он. – И, как видишь, дешевки.

– Но здесь все такое, – заметила я, усаживаясь за столик.

– Ну, это же дешевый квартал. Ты сама просила. Яки-собу будешь? – уточнил он.

– А что это?

– Жареная гречневая лапша, – с улыбкой ответил он. – Тебе понравится.

– Лучше что-нибудь выпить.

Антон заказал виски. Я смотрела на полуголых стройных японок, спующих между столиками. Многие были в очень тонком просвечивающем белье, сквозь которое легко различались черные волосы на лобке и темные соски. Девушка, подавшая нам виски, низко наклонилась, демонстрируя глубокий вырез прозрачного микроскопического бюстгальтера.

Я внимательно наблюдала за их поведением. В принципе, они не делали ничего экстраординарного. Но их плавные движения, когда они подавали напитки или что-то спрашивали, низко наклоняясь к гостям и изящно сгибая при этом тонкие талии, когда они просто поправляли высокие прически, вскидывая руки вверх и поворачиваясь тонкими белыми телами, несли определенный налет эротизма и тайного вызова. И мужчины это чувствовали. Я видела, как загорелись глаза Антона от вида этих неторопливо проходящих мимо нашего столика полуобнаженных тел.

«Ожидание и предвкушение, видимо, заводит мужчин на-

много сильнее, чем сама любовная игра, – решила я и запомнила для себя это открытие. – К тому же полностью обнаженное тело не так эротично, как полуприкрытое. Ну, это я и раньше знала», – подумала я, искоса посмотрев на Антона, не спускающего глаз с худенькой низкорослой японки, одетой в красное кружевное белье.

– Хочешь, Антоха, куплю ее тебе? – неожиданно для себя предложила я и хихикнула.

По – видимому, доза виски уже затуманила мою голову, и я плохо соображала. Мне почему-то было удивительно легко с этим парнем, и я решила таким образом сделать ему приятное. Антон перестал созерцать девушек и развернулся ко мне.

– Зачем тратить деньги? – спросил он. – Ведь есть ты!

Несмотря на то, что его заявление звучало явно двусмысленно, я не обиделась.

– А ты, смотрю, прилично набралась, – усмехнулся он. – Может, отвезти тебя в гостиницу?

– Может, – согласилась я.

В этот момент зазвонил мой сотовый, мелодию которого я с трудом расслышала сквозь громкие песни караоке.

– Ты где, Таня? – спросила Манами.

– В клубе развлекаюсь, – нехотя ответила я. – А что такое?

– Ничего особого. Извини, если помешала. Просто мы с Тору тебя потеряли. Звонили несколько раз, но ты не отвечала. Моя тетя передает тебе привет. Мы сейчас у нее в гостях.

– Передавай им от меня тоже привет, – ответила я, стараясь выговаривать слова внятно. – У меня все хорошо. Завтра созвонимся.

– Кто это? – поинтересовался Антон.

– Подружка одна местная, зовут Манами.

– И чем она занимается? – подозрительно осведомился Антон.

– Работает в женской дорожной полиции, – ответила я.

– Понятно, – сказал Антон, вставая.

Его лицо приняло успокоенное выражение. Я встала следом. Расплатившись, мы вышли на улицу.

Несмотря на очень позднее время, жизнь в квартале, судя по всему, бурлила. Пройдя немного, мы были остановлены огромным негром в красной куртке, старательно приглашавшим нас в стриптиз-клуб. Он размахивал перед нашими ногами красными флаерами и что-то быстро лопотал по-японски.

– Зайдем? – спросил Антон.

Но я отрицательно покачала головой. Хотелось уже оказаться в постели. Опыянение давало о себе знать.

Остановив такси, я забралась на заднее сидение и мгновенно погрузилась в дремоту. Очнувшись оттого, что Антон начал трясти меня за плечо. Я открыла глаза и с радостным удивлением увидела, что мы уже возле моей гостиницы. Антон поднялся вместе со мной, обняв меня за талию. Я навалилась на него, мельком глянув на поднявшегося из-за стой-

ки портье. Мой номер находился на втором этаже, и Антон потащил меня по лестнице. С трудом открыв дверь, я вошла в комнату и сразу упала на диван. Антон снял с моих ног босоножки на высоком каблуке и начал стягивать платье через голову. Я не сопротивлялась и даже ждала с нетерпением, что будет дальше. Он спокойно расстегнул мой лифчик, и я осталась в одних трусиках.

– Ты необыкновенно красивая, – пробормотал он.

Потом взвалил меня на плечо, как мешок с рисом, и отнес в спальню. Едва моя голова коснулась подушки, я провалилась в глубокий сон.

Открыв глаза, я поняла, что уже давно день. Потянувшись, перевернулась на другой бок и с изумлением увидела на подушке красную розу. И тут вспомнила о событиях прошлой ночи и об Антоне. Я села, протирая глаза, и прислушалась. Но в номере кроме меня явно никого не было.

– Вот тебе и Антон! – рассмеялась я. – Ушел и даже не попытался воспользоваться тем, что девушка пьяна в стельку!

Мысль проверить сохранность моих денег даже не пришла в голову. Этот парень не вызывал у меня никаких опасений. Более того, мне хотелось продолжить с ним знакомство. К тому же ярко-алая роза, лежащая на подушке и источающая слабый тонкий аромат, странно согрела мое сердце и вызвала улыбку. Я встала, поставила ее в стакан с водой и отправилась под душ. Потом позвонила госпоже Цутиде и договорилась о встрече.

Свиток третий

В мире цветов и ив

Занятия были индивидуальными и напомнили мне лекции в нашем культпросвет училище. Я приехала в Асакусу, нашла указанный дом, поднялась на второй этаж и зашла в обычную на вид комнату, обставленную по-европейски. Госпожа Цутида ждала меня, сидя в глубоком мягком кресле. Одетая она была в обычное шелковое платье и летние в сеточку туфельки на низкой танкетке.

– Устраивайся удобнее, Таня, – мелодично произнесла она. – Сегодня поговорим об истории. Можешь записывать то, что сочтешь полезным для себя.

Я уселась в кресло напротив и достала тетрадь.

Из тетради лекций госпожи Цутиды:

«В 1761 году в Ёсивара появилась первая профессиональная эсэи-гейся. Звали ее Касэн из дома Огия. Но начинала она как юдзё, и выплатив все долги, открыла свой бизнес. В отличие от куртизанок, гейши изначально работали не только и не столько в "веселых кварталах". Мужчины часто вызывали их на свои дружеские вечеринки. Они особо ценили гейши за умение остроумно поддерживать беседу. Те шутили,

читали стихи, пели песни, танцевали, аккомпанировали мужскому пению, затевали простые и веселые игры. Официально секс в их программу не входил, так как гейши не имели на него правительственной лицензии.

Руководили ими ока-сан, то есть матушки, а сами они называли друг друга сестрами. Районы, в которых располагались общины гейш, назывались ханамати – "цветочные улицы". Раньше каждый город имел свою улицу или хотя бы дом гейш. В те времена японская семья считала для себя честью, если девушка избирала судьбу гейши. Тот факт, что родители могли себе позволить оплатить немалые расходы на обучение, заставлял окружающих относиться к ним с большим уважением.

Но «Мир цветов и ив», как называли свое сообщество гейши, довольно жесток. Пройти все уровни обучения профессии крайне сложно, и многие претендентки отсеивались на полпути. Лишь немногим майко⁸ удавалось получить диплом гейши.

В стародавние времена это были молодые прекрасные создания, которых обессмертили тысячи шедэров-гравюр, оттиснутых с досок. Мы все еще можем их увидеть, стоящих под цветущими вишнями, играющих с собачками, обнимающих друг друга на мостах, со своими безупречными прическами в лентах и цветах. Они наряжены в эксклюзивную одежду, они искусно балансируют на неудобных деревянных гэта, они движутся в медленных танцах с утонченной

---

⁸ Майко – ученица гейши в Киото

грацией, их веера напоминают раскрытые крылья прекрасных разноцветных бабочек. Именно такими предстают перед современным зрителем гейши давних времен на живописных полотнах».

Госпожа Цутида читала лекцию около часа довольно монотонно. Я чувствовала усталость, но ничего ей не говорила. Она, поняв, что я уже плохо воспринимаю информацию, сама сделала перерыв. Предложив мне чай «молочный улун», с улыбкой наблюдала, как я с наслаждением поглощаю ароматный напиток.

– Все-таки европейские девушки очень изнежены, – не удержавшись, заметила госпожа Цутида. – Наши девушки учатся по десять часов в день с одним выходным в неделю, в течение пяти лет.

– Все так серьезно? – не поверила я.

– И это еще приняли закон после войны, что обучение проводится только с шестнадцати лет, а до этого ученицами становились уже в десять. Пойми, Таня, это не просто профессия, а стиль жизни. И образ мышления.

– Но для того бизнеса, который задумала я, мне самой вовсе необязательно становиться стопроцентной гейшей, – возразила я.

– Трудно понять европейцев, – сказала госпожа Цутида. – Какой смысл в бутоне ириса, если он замер в своем несовершенстве и не собирается раскрываться до конца?

– Не знаю, – с недоумением ответила я и беспомощно

улыбнулась.

Занятия закончились после полудня. Мы договорились о следующем моем приходе, и я сразу заплатила за первые уроки. Я решила расплачиваться за каждый день обучения. И госпожа Цутида согласилась.

Я ужасно проголодалась и по пути забежала в кайтен. Сев за стойку и обратив взгляд на многочисленные тарелочки с суши и роллами, медленно проплывающие по конвейеру мимо меня, я задумалась, какие выбрать. Потом взяла с крабами и с лососем. Васаби и имбирь в кайтене прилагались бесплатно. С удовольствием отхлебнув светлого пива «Асахи», я принялась за еду. Мои мысли крутились вокруг услышанного сегодня. Кто бы мог подумать, что гейша – такая загадочная и сложная профессия. Нужно было обладать незаурядными способностями, чтобы стать выдающейся известной гейшей. И мужчины ценят возможность общаться с ними. И дорого ценят. Но для нашего русского менталитета будет ли интересной такая форма досуга? И тем более за такие деньги? Для себя я сразу определила, что плата должна быть очень высока, иначе бизнес теряет смысл. Здесь гонорар составлял в среднем тысячу долларов за вечер с опытной гейшей. При этом секс исключался. Возможно, для японского менталитета, насквозь пропитанного постоянным восхищением красотой окружающего мира и достижением гармонии, это было естественно. Но для русского? Наши мужчины, насколько я представляла, предпочитали сальные анек-

доты под водочку и соленый огурец, разухабистые песни, а потом чисто животный секс без особых затей. Но плохо зная мужчин, возможно, я и ошибалась, находясь в плену стереотипов.

Медленно прожевывая рис, я вдруг поймала себя на мысли, что совершенно забыла о конечной цели своего предприятия – мести, планы которой еще недавно я так тщательно вынашивала и лелеяла. Я усмехнулась переменчивости своей натуры. Но потом подумала, что жизнь сама все расставляет на места. И нужно просто довериться ее течению, как это обычно делают японцы.

Вечером я вновь встретила с Антоном, причем сама позвонила ему. Он явно обрадовался и сказал, что приедет ко мне в отель, как только освободится в ресторане. Антон пользовался велосипедом. Он явился около девяти вечера и позвонил из вестибюля. Я пригласила его подняться ко мне. Антон робко вошел в номер. Глаза его были немного смущенными. Он принес бутылку абрикосового вина и коробку пирожных.

«Ишь ты, с дарами», – подумала я, принимая пакет и приглашая его присесть.

– Хорошо вновь очутиться в нормальной обстановке, – вздохнул Антон, развалившись на диване. – А то все эти циновки на полу и татами в спальне уже порядком поднадоели. Знаешь, я иногда ловлю себя на мысли, что и размер комнаты стал определять по чисто японским меркам. – Он хохот-

нул. – Представь, приеду к себе в Кострому и скажу: «Н-да, что-то маловата моя комната! Всего четыре с половиной та-тами!» И мама упадет.

– А ты из Костромы? – удивилась я.

– Ну, да. Учился в Москве в Плехановке, но не окончил. Женился, как ты знаешь, на скрипачке. Она москвичка. А дальше видишь, как обернулось.

Антон горестно вздохнул и открыл бутылку. Я подала стаканы. Мы выпили.

– Но какого черта ты тут торчишь? – спросила я.

– Не могу пока уехать. Ведь я муж своей жены. Я и на концерты Токийского филармонического всегда хожу, – тихо добавил он. – На нее из зала смотрю. И на кларнетиста тоже.

Он замолчал. Я подошла и села к нему на колени.

– Ты такая славная, – сказал он и нежно поцеловал меня за ухом. – Но уже распустились ирисы, скоро зацветут азалии и глицинии и... начнется сезон дождей. И ты сбежишь! – уверенно добавил Антон.

– Почему это? – нахмурилась я, глядя его щеку.

Мне невыносимо захотелось чисто мужской ласки, крепких объятий и жадных поцелуев. Тело требовало своего, но душа застыла. Но я, помня кое-что из уроков госпожи Цутиды на тему «живи здесь и сейчас», неимоверным усилием воли изгнала из памяти образ мертвого возлюбленного, мгновенно перевоплотилась в гейшу и представила, что на-

хожусь в обществе клиента.

– Потому что дожди здесь это не наши ливни, – ответил Антон и обнял меня. – Это самые настоящие водопады, обрушивающиеся с неба и выбивающие зонты из рук. И потом эта противная сырость, которой пропитывается все вокруг.

Антон замолчал, глядя на меня, затем бережно опустил на диван, лег сверху и начал целовать, не отрываясь, так, что у меня захватило дух. Я нащупала пальцами ширинку его джинс и медленно расстегнула. Нефритовый стебель был твердым, и это сразу возбудило меня. Несмотря на то, что я еще не так и много знала о гейшах, но уже поняла, что они, несомненно, искусны в сексе. И я решила начинать набираться опыта. К тому же Антон мне нравился и притягивал чисто физически, и почему было не использовать его в качестве своеобразного тренажера.

– Не сильно, – прошептал он. – У меня очень чувствительная кожа, и ты можешь невольно сделать больно.

– Извини, – ласково сказала я, перебирая пальцами по напряженному стволу, – буду предельно осторожной и нежной.

– У меня небольшое ущемление, – шепотом сообщил Антон. – Нужно сделать самое банальное обрезание. Но все не могу решиться.

«Что бы сказала настоящая гейша в этом случае?» – подумала я, преодолевая желание приступить к активным ласкам.

– Если тебе это мешает, то, конечно, лучше сделать, – тихо заметила я и обхватила пальцами нефритовый стебель у

основания.

– Не то чтоб очень мешает, просто иногда чувствительно и неприятно от грубых прикосновений, – вздрогнув, прошептал он.

– Я буду как легкий ветерок, – тут же пообещала я, ложась на него сверху.

Антон откинулся на спину и тихо застонал. Я провела языком по его животу и забралась в пупок. Он вдруг резко перевернул меня на спину.

– Я забыл презерватив, – озабоченно проговорил он. – У тебя есть?

– Я абсолютно здорова! – заверила я.

Мысль заразиться совершенно меня не смущала.

– Я тоже, – шепнул Антон.

И не успела я больше слова сказать, как нефритовый стелбел вплыл на лодке страсти в мои яшмовые ворота. Я застонала от наслаждения проникновения, но перед внутренним взором возникло лицо Петра. И я не стала отгонять видение, моя психика подыгрывала процессу, и я получила странное утешение от соединения моего тела с фантомом, хотя во мне находился реальный мужчина.

*Из светло-зеленой записной книжки с
изображением горы Фудзи на обложке:*

«Любовь занимает все мои мысли. Но как я пойму,

что за женщину ищут? Их устремления разнообразны. Выбрать ли мне порочную красавицу с огненным темпераментом, или обратить взор на кроткую деву, чистотой помыслов сравнимую разве с белой непорочной лилией? Которая из них принесет мне истинное счастье? И как печально, что эти две ипостаси не могут сочетаться в одной особе. Это-то и была бы идеальная для меня женщина! Но, увы, нет в мире совершенства!»

Автор неизвестен, рукопись датируется XVII в, Япония.

На следующее занятие госпожа Цутида пригласила учителя игры на сямисэне. Это был пожилой японец с круглым, по-настоящему луноподобным лицом и узкими, словно щелочки, глазами.

– Онодэра-сан, – представила мне его госпожа Цутида. – Он очень опытный преподаватель.

– Коннити ва⁹, – вежливо поздоровалась я.

И напряглась, представив, сколько мне придется заплатить за уроки, которые мне, как я тогда думала, нужны не были. Я села в кресло и с ожиданием на него посмотрела. Госпожа Цутида вышла из комнаты, а он открыл небольшой футляр. Достал части инструмента и ловко соединил их. Потом что-то сказал по-японски. Я промолчала, так как все еще плохо понимала этот язык. Господин Онодэра снова что-то сказал, потом заиграл переливчатую неторопливую мело-

---

⁹ Коннити ва (япон.) – добрый день

дию. Я слушала с удивлением, не понимая, как из простого трехструнного щипкового инструмента можно извлечь такие сложные и нежные переливы. Он закончил и поклонился. Потом опять что-то сказал. Я вынуждена была позвать госпожу Цутиду, потому что ничего не понимала.

Она мгновенно появилась, невозмутимо улыбаясь. И начала переводить урок на английский. Я узнала, что сямисэн родом из Египта и первоначально его обтягивали змеиной кожей. Впоследствии его корпус из китайского дуба стали обтягивать кошачьей кожей. Раньше инструмент был цельным и из-за его довольно длинного грифа (88 см) требовался внушительный футляр. Поэтому гейши не могли носить его сами. Это делали их слуги хакоя¹⁰. Современный инструмент легко разделяется на три части, и поэтому футляр стал намного меньше и легче.

Прочитав мне эту небольшую лекцию, господин Онодэра вновь заиграл.

– «Танец цветов», – пояснила с улыбкой госпожа Цутида, когда он закончил.

Я сидела, как истукан, и в уме прикидывала, смогу ли быстро освоить игру на сямисэне. Когда я училась, то помимо обязательного баяна полгода посещала факультатив по игре на балалайке. И даже исполняла на студенческих капустниках кое-какие балалаечные хиты. Когда господин Онодэра закончил играть, я машинально захлопала в ла-

---

¹⁰ Хакоя – букв. «человек с ящиком»

доши. Увидев, как его круглое лицо покраснело, я смешалась. Госпожа Цутида с улыбкой смотрела на меня и молчала, словно ожидая чего-то. Я встала, подошла и взяла инструмент. Господин Онодэра неохотно позволил мне это. Я попробовала пощипать струны и, приноровившись, сыграла «Красный сарафан».

– «Ой, не шей мне, матушка, красный сарафан», – пела я тихо и протяжно, закрыв глаза и уносясь мыслями в просторы русской степи с небольшими островками берез и сосенок.

Закончив, я смущенно глянула на своих слушателей. Но они оба улыбались и синхронно кивали головами, совсем как игрушечные фарфоровые болванчики. Я поклонилась и передала сямисэн господину Онодэре. Он что-то сказал, восхищенно закатывая глаза.

– Сэнсэй доволен, – перевела госпожа Цутида. – Это стиль минье, то есть народная песня. Это так?

– Да, – подтвердила я. – Это русская песня о красном сарафане, в котором по традиции выдавали замуж. Но тут говорится о девушке, которая не хочет выходить за нелюбимого и просит свою мать не шить ей красный сарафан.

Они слушали, вежливо улыбаясь, но, по-моему, плохо уловили суть.

«Вот и я, как могу постичь за короткий срок всю суть японской культуры, несомненной частью которой является гейша? – подумала я. – Поэтому, не буду очень углубляться. Ведь все равно не смогу объять необъятное! Просто перейму

основные понятия».

После занятий я отправилась в гостиницу, по пути зайдя в маленький ресторанчик и взяв себе сасими – ломтики сырой рыбы с приправами. Я наслаждалась вкусом блюд, но беспрерывно думала об Антоне. Секс с ним был приятен, но мою душу не задел. Но я, извлекая уроки из моих занятий с госпожой Цутидой, тщательно анализировала свои ощущения. Она учила держать эмоции в узде, настаивая, что это залог успеха в этой профессии. Гейши умеют оставаться невозмутимыми внешне, какие бы бури не происходили у них в душе. Считалось крайне непрофессиональным показывать клиенту свои эмоции. Это будто бы спускало гейшу с пьедестала превосходства и уравнивало ее с обычной женщиной.

Я вспоминала нашу последнюю встречу с Антоном в подробностях. Я получила только физическое удовольствие от того, что меня гладит, ласкает, целует молодой сильный самец, который к тому же был мне приятен физически. Но того трепета и почти обморочного наслаждения, которое я чувствовала, находясь с любимым, даже близко не было. И я старалась забыть фантазию, появившуюся на пике наслаждения, будто я соединилась именно с Петром.

«Мертвое – мертвым, – упорно повторяла я. – Прошное должно оставаться за чертой, и назад мне ступать не следует, иначе я не смогу нормально жить. Антон – милый парень, мне с ним хорошо. Но и влюбляться ни в него, ни в кого бы

то ни было, совершенно не стоит. Да я и не смогу!»

И я позвонила Антону. Но он не ответил. Подождав, я перезвонила, но опять лишь прослушала длинные гудки.

«Ну и ладно! – разозлилась я. – Как всем кобелям, ему, видно, нужно было только одно. И получив свое, он исчез».

Я поехала в гостиницу и, приняв душ, упала на диван. Потом взяла купленную недавно книгу «Японская мифология» на английском языке и начала читать. Не заметила, как задремала.

Разбудил меня телефонный звонок. Это был Антон.

– Да? – нарочито равнодушным голосам ответила я и даже зевнула.

– Я тебя разбудил? – торопливо и виновато спросил он. – Извини. Просто я только что обнаружил, что ты звонила.

– Да, звонила, – немного раздраженно сказала я. – Но ты был, видимо, очень сильно занят. У тебя сегодня, насколько я помню, выходной.

– Я был на концерте, – сообщил он.

– Опять на свою женушку-изменницу любовался? – ехидно поинтересовалась я. – Тебе нравится изводить себя? Настоящий мазохист!

– Это не твое дело, – сухо ответил Антон и замолчал.

«И правда, – подумала я. – Чего это я кидаюсь? Мне-то что?»

– Давай встретимся, – наконец прервал он молчание.

– Давай, – охотно согласилась я уже другим тоном. – А

ты где?

– Только что вышел из концертного зала «Наримасу». Ты вот что, подъезжай на станцию «Хигаши – Гиндза». Там совсем рядом театр «Кабуки-дза». Возле него и встретимся.

Но на метро я, конечно, не поехала. Разбираться в сложном переплетении токийской подземки мне совершенно не улыбалось. И я взяла такси, по своему обыкновению. Когда подъехала к зданию театра, Антон уже был на месте. Увидев меня, он расцвел какой-то детской счастливой улыбкой, а потом начал ворчать, что такси в Токио невозможно дорогое, так никаких денег не хватит и что «наши люди в булочную на такси не ездят». Я лучезарно ему улыбнулась и поцеловала весьма недвусмысленно. И он тут же замолк.

– И какие планы? – спросила я.

– Хочу пригласить тебя на спектакль «Самоубийство влюбленных в Сонэдзаки».

– Это пьеса кабуки? – уточнила я. – Но ведь больше трех часов!

– Зато увидишь живое национальное сокровище.

– Это еще что за зверь? – рассмеялась я.

– Актер Накамура Гандзиро Третий. Ему под пятьдесят, кажется, а он прекрасно играет женские роли, амплуа оннагата, – сказал Антон и потащил меня к театру.

Мы купили билеты на стоячие места и надели крохотные наушники, чтобы слышать английский перевод. Я внимательно следила за игрой актеров, изучала красочные слож-

ные костюмы и выразительный грим. Действие было необычайно насыщенным и включало в себя выразительные диалоги, игру на музыкальных инструментах – я с удовольствием заметила сямисэн в руках одного из актеров – и декламацию стихов. Вспоминая наши самодеятельные спектакли, я сейчас понимала, как мы были далеки от оригинала. Мы постоянно носились по сцене, выражая эмоции движениями, что было традиционным для русского театра. А японские актеры могли выразить даже тонкие оттенки чувств простыми и часто скупыми жестами, иногда оставаясь на месте довольно долго.

«Национальное сокровище» играл роль несчастной и прекрасной О-Хацу. Актер действительно был великолепен и очень точно передавал движения, повадки и переживания молоденькой наивной девушки.

Но уже через час я почувствовала, что устала и проголодалась, и без стеснения заявила об этом Антону. Он послушно оторвался от созерцания действия, и мы покинули театр.

– Тут очень дорого, – заметил он, когда я решительно двинулась к светящейся вывеске «Сантори – бар».

Я уже знала, что это престижная японская марка алкоголя. И даже как-то пробовала очень неплохой виски «Сантори».

– А что ты предлагаешь? С голоду умереть? – раздраженно ответила я.

– Ну почему же! Стоит только отойти отсюда на несколько

кварталов и цены будут намного ниже, – уверенно заявил Антон и взял меня за руку.

И мне стало уютно и приятно от прикосновения его мягких прохладных пальцев. Скоро мы нашли маленький ресторанчик с французским названием «Mon cher ami» и зашли туда. Я взяла себе пышные и теплые круассаны и большую чашку горячего шоколада. Антон попросил только капучино.

– Уже довольно поздно, – сказал он, отпивая кофе и обливая светлую пену, смешно прилипшую к его верхней губе.

Мне захотелось немедленно поцеловать его, но я сдержалась. В кафе, наряду с иностранцами, было полно японцев. А я уже успела вникнуть в их консервативные нравы. Я увидела, что Антон тоже смотрит на меня с явным желанием. Расплатившись, мы вышли на оживленную, несмотря на поздний час, улицу. И направились без всякой цели, куда глаза глядят.

– А ты заметила, что сакура не только розовая, как обычно о ней пишут в стихах? – неожиданно спросил Антон.

– Но она еще и белая и даже темно-розовая с красноватым оттенком, – продолжила я и засмеялась. – Заметила, конечно. Но почему ты спросил об этом? Ведь сакура уже отцвела. Он замолчал, потом обнял меня за плечи и прижал.

– Потому что ты похожа на цветок сакуры, – после долгого и глубокого поцелуя тихо сказал Антон.

Мы как раз уже ушли довольно далеко от оживленных

улиц и оказались в тихом и спящем квартале. Я увидела очень густые кусты между двумя двухэтажными домами с темными окнами и, не задумываясь, потащила его туда. Он не сопротивлялся. Его дыхание было прерывистым и явно возбужденным. Забравшись в самую гущу, мы мгновенно и почти синхронно расстегнули ширинки своих джинс. Антон развернул меня, я оперлась руками о колени. И тут же почувствовала прикосновение нефритового стебля. Последующее движение было настолько резким, что я чуть не упала. Качнувшись от неожиданности вперед, я оцарапала лоб о ветку куста. Но даже не заметила этого, получая чисто животное наслаждение. Мне было необыкновенно хорошо просто так отдаваться этому парню и ни о чем не задумываться. Секс помогал заглушить эту, постоянно возникающую из глубин сознания боль, от которой сразу начинала невыносимо ныть душа. Он уже превратился для меня в своего рода наркотик, одурманивающий и помогающий не чувствовать незаживающую рану. Антон находился сзади, и я не видела его лица, и вдруг, на краткий миг мне снова почудилось, будто это Петр, и это его пальцы так крепко обхватывают мою талию, его дыхание щекочет мне шею. Наркотик рождал галлюцинации, и я была не в силах им сопротивляться.

Фрукт лопнул быстро, мы отдышались, застегнули джинсы и осторожно выбрались из кустов. Но вокруг было тихо и пустынно. Жители давно спали, что было удивительно. Ведь не так уж и далеко по-прежнему кипела жизнь в кварталах

***Из светло-зеленой записной книжки с
изображением горы Фудзи на обложке:***

«Всем в мире правит гармония! Ищите ее в малейших проявлениях жизни, и тогда познаете истинное счастье. И никогда не нарушайте ни внутреннюю гармонию, ни внешнюю, ни словом, ни мыслью, ни поступком. Только это залог равновесия и чистоты вашей души».

Из записок шаолиньского монаха, XIX в.

Ну, вот и дожди! И это было действительно что-то нереальное. За окном сплошная стена воды, словно сверху кто-то опрокинул огромный бездонный ушат. Но из ушата вода выливается одномоментно, а здесь она лилась потоками непрерывно и иногда целыми сутками. Воздух был сырым, и мне не хотелось никуда выходить. Но занятия с госпожой Цутидой были в полном разгаре. Я заказывала такси к гостинице. Служащий бежал со мной рядом, неся огромный зонт над моей головой. Он напоминал желтого узкоглазого гнома из японской сказки под огромным черным грибом и неизменно смешил меня комичным видом.

Мы уже прошли основы чайной церемонии, икебана, игры на сямисэне, танцев адзума, нивака и сибу. Также меня научили настоящему гриму гейш, а госпожа Цутида подари-

ла специальные белила для лица. Когда мне впервые сделали макияж, я увидела в зеркале белоснежное утонченное личико с искусно выделенными черным и красным карандашом глазами и четко нарисованными красными губами. Мои волосы убрали в высокую прическу, наложив широкие пряди на специальные картонные валики.

Из тетради лекций госпожи Цутиды:

«В давние времена в период Нара (710–794) некоторые женщины вели богемное существование. Они перемещались между прибрежными городами, выискивая провинциальных аристократов и путешествовавших по государственным делам чиновников. Находясь далеко от столицы и лишённые привычного комфорта и развлечений, эти «командировочные» чувствовали себя одинокими, грустили, и беззаботные, свободные и хорошенькие женщины служили им большим утешением. Они могли поддержать беседу, знали поэзию, пели и танцевали. И им щедро платили за приятно проведенный досуг.

Изначально и мужчины, и женщины, существовавшие на подобные доходы, назывались гейшами. Мужчин называли отоко-гэйся, а женщин – онна-гэйся. Со временем приставка онна – отпала, и женщин стали называть просто гэйся. А вот название отоко-гэйся исчезло навсегда и вместо него появилось

слово хокан, или «жиголо».

Акцент сместился в этой профессии на женскую сущность, искусство быть гейшей развивалось, появились свои традиции. Лицо начали покрывать белой пастой, ведь в религиозном синтоистском обряде белый цвет означает чистоту. Появился искусно сделанный шиньон, который стоил мастеру долгих часов труда. И чтобы не повредить это произведение парикмахерского искусства, гейша вынуждена спать, опираясь шеей на деревянный валик.

Для мужчин шея и верхняя часть спины, так же как и запястья – предмет возжеления. Кимоно было подстроено под это и позволяло видеть лишь верхнюю часть спины. Гейша – идеал женственности – ходит мелкими шажками, скользя по полу в деревянных гэта. Миниатюрная, изящная и грациозная, она всем своим видом и повадками символизирует эталонную чувственность. Ее обнаженное тело под кимоно (гейши не носят белья), умело удерживаемое несколькими поясами-оби, кажется мужчинам бутоном, ждущим своего ценителя.

Замысловатая прическа, всегда обнажающая шею, белое невозмутимо прекрасное лицо, идеально нарисованные красной помадой губы, миндалевидные глаза, искусно подведенные в направлении висков черным и красным цветом, – это изысканная дорогая кукла, но в то же время и живая женщина, манящая близкой, но такой недостижимой тайной пола».

Я попробовала ходить на гэта, специальной обуви, под по-

дошву которой были прикреплены две деревянные дощечки, но это было не очень-то удобно.

«Мне это и необязательно», – решила я и убрала гэта по-
дальше.

Но потом пожалела об этом, потому что госпожа Цутида решила, что мне пора появиться в обществе ее клиентов.

– Это, конечно, не настоящий о-хиромэ, – сказала она мне, – но все же воспринимай это, как экзамен.

В день моего «о-хиромэ», или дебюта, дождь на какое-то время прекратился, и я сочла это хорошим предзнаменованием. Я думала, что мы поедем в чайный домик госпожи Цутиды, но мы отправились в незнакомый мне район со множеством небоскребов. Когда мы выбрались из машины, я с удивлением заметила, что сзади следовала еще одна. Из нее вышли две гейши при полном макияже и в кимоно. Они улыбнулись мне, поклонились и что-то сказали по-японски.

– Это Юрико и Айямэ, – представила госпожа Цутида. – Они у меня на службе. И сегодня мы встречаемся с нашими постоянными клиентами. Это очень благожелательные господа, так что не волнуйся.

Я ничего не ответила. И никакого волнения, по правде говоря, не испытывала. Ведь это была просто игра для меня.

Мы зашли в современное здание, на вид пятизвездочный отель, и поднялись в лифте на двадцатый этаж. Гейши с любопытством смотрели на меня и периодически мило улыбались.

– Do you speak English? – спросила я, улыбаясь им в ответ.

– Yes I do, – радостно ответили они одновременно и поклонились.

Но когда мы вошли в помещение, я все-таки слегка на-
пряглась. Госпожа Цутида провела нас по коридору в неболь-
шую комнату вполне европейского вида. Одну стену зани-
мал огромный шкаф-купе с зеркальными дверцами. Води-
тель принес две большие сумки и аккуратно поставил их на
пол. Гейши быстро раскрыли одну и начали доставать наря-
ды, что-то щебеча на японском. Я стояла, как вкопанная, и
не знала, что мне делать. Тут вернулась госпожа Цутида в
сопровождении какого-то сухонького японца. И он соорудил
из моих волос высокую прическу. Потом под руководством
Айямэ я наложила грим. Юрико помогла мне надеть наряд.
Это было прелестное серебристое кимоно с какими-то иеро-
глифами и рисованными лодочками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.